PG 3361
.S35 A87
1828

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

CYR4-PG3863

АРИСТОФАНЪ,

или

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КОМЕДІИ:

ВСАДНИКИ.

Историческая комедія.

сочиненіе

Князя А. А. Шаховскаго.

МОСКВА,

1828.

Shakhovskoi, K. A.
182

АРИСТОФАНЪ,

или

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КОМЕДІИ:

ВСАДНИКИ.

Историческая комедія въ древнемъ родѣ и въ разномѣрныхъ стихахъ Греческаго стопосложенія, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, интермедіями, пѣніемъ и хорами.

СОЧИНЕНІЕ

Князя А. А. Шаховскаго.

съ помѣщеніемъ многихъ мыслей и изрѣченій изъ Аристофанова Театра.

МОСКВА.
Въ Типографіи Николая Степанова
При Императорскомъ Театрѣ.

1828.

PG 3361
.S35A87
1828

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобъ до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Декабря 20 дня, 1826 года.

Секретарь, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ
Соцъ.

95-200282

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Оплагая до полнаго изданія моихъ Драматическихъ произведеній, извѣстіе о вѣкѣ, твореніяхъ и жизни Аристофана, и точныя ссылки на источники, изъ коихъ почерпнуты нужныя для меня свѣденія; я полагаю однакожъ обязанностію моей изложить здѣсь причины, побудившія меня, и средства, служившія къ сочиненію сей комедіи; а между тѣмъ краткими выносками хочу объяснить нѣкоторые стихи и изрѣченія, которые могутъ показаться невнятными или затруднятъ память моихъ читателей.

Путешествіе молодаго Анахарсиса по Греціи, которымъ Аббатъ Баршелеми далъ ясное понятіе, и читателямъ однихъ романовъ, о жизни древнихъ Грековъ, внушило мнѣ желаніе познакомить съ *Аѳинскимъ бытомъ* даже и тѣхъ, кто ничего не хочетъ читать. Нѣкоторыя удачи мои на Драматическомъ поприщѣ усилили мое трудолюбіе, и осмѣлили меня, уклонясь (по выраженію Шекспира) (*) *съ прогонной дороги*, отъиски-

(*) Въ Драматической Хроникѣ Генрихъ IV, Принцъ Валлійскій говоритъ о Пинсѣ: его умъ всегда тащится за спадомъ по прогонной дорогѣ.

вать не избитыхъ путей, къ достиженію цѣли, можетъ быть, не безполезной нашему Театру. Но чтобы перенестии воображеніе зрителей нашихъ въ давнія Аѳины, я долженъ былъ самъ переродишься въ древняго Грека; а потому довольно долгое время старался, сколько могъ, наполнить душу, мысли и память мою всѣмъ нужнымъ моему предпріятію. Внимательное чтеніе не замедлило удостовѣрить меня, что ученый Бартелеми, Англичане, сочинявшіе Аѳинскія письма, и другіе не только новые, но Латинскіе и Греческіе писатели (послѣ Ѳукидита) извлекали почти всѣ подробности Аѳинскаго общежитія изъ Аристофановыхъ комедій; а что еще убѣдительнѣе, современникъ, и кажется не большой другъ его, Платонъ, послалъ Діонисію Сиракузскому списокъ комедій Аристофана, чтобъ удовлетворить его любопытство о свойствѣ и духѣ Аѳинянъ. У кого же я могъ заимствовать краски для живой картины, изображающей внутренность Аѳинъ? конечно у Аристофана; кого же я долженъ былъ вывестии на сцену, чтобы объяснить и одушевить сіе изображеніе? самаго Аристофана; кому повѣрятъ предубѣжденные зрители наши, что Аѳиняне, Периклова вѣка, также были смѣшны, суетны, ничтожны, и также жертвовали невѣжеству, какъ и другіе люди? никому, или Аристофану: разумѣется, если я съумѣю заста-

вишь его говорить также сильно, какъ онъ обличалъ въ глаза: вѣпреность, неблагодарность, корыстолюбіе и самогубительство гражданъ разхваленной республики. Наконецъ, кто можетъ возстановить уничиженное, безнравственнымъ шутовствомъ, достоинство Комическаго Поэта? одинъ Аристофанъ, котораго называлъ Артаксеркъ лучшимъ и полезнѣйшимъ гражданиномъ своего отечества; а Платонъ написалъ, что Граціи избрали грудь Аристофана своимъ жилищемъ. Сіи два свидѣтельства современниковъ могутъ, кажется, и безъ другихъ доводовъ доказать: что Аристофанъ, какъ человѣкъ и поэтъ достоинъ того, чтобы наши зрители рукоплесканіями заглушили клевету, такъ называемыхъ, Философовъ, снисходительныхъ только къ своимъ приверженцамъ. — Аѳины, Ленейское празднество и Аристофанъ тотчасъ сдѣлались мѣстомъ, временемъ и предметомъ моей драматической поэмы.

Аристофанъ, любя страстно свое отечество и славу Греціи, сочинилъ комедію, обличающую грабительство, развратъ и бездѣльство кожевника Клеона, который крикливымъ голосомъ, сильною грудью, лестью народу и клеветою на знаменитыхъ гражданъ, согналъ съ Аѳинской площади благоразуміе и справедливость, и бывъ выбранъ, крамолою черни, въ воинскіе Казнодары, раздувалъ, выгодную для него, и пагубную для

всей Греціи Пелопонезскую войну. Сія комедія, названная Всадниками, была одобрена и принята на театръ; но ни одинъ актеръ не смѣлъ взять на себя ужаснаго всѣмъ лица Клеона; ни одинъ художникъ не дерзалъ снять съ него маски; — все трепетало могущества Казнодара и неистовства его приверженцевъ: тогда самъ поэтъ, дорожа только одною правдою и высокимъ искусствомъ своимъ, смѣло вышелъ на сцену въ ролѣ Клеона. Благородная смѣлость, правда и высокое искусство возторжествовали: поэтъ и комедія были увѣнчаны на Ленейскомъ празднествѣ въ 4-й годъ 88-й Олимпіады. Происшествіе сіе показалось мнѣ достойнымъ вниманія и соучастія просвѣщенной публики. Меня пугали молодостью нашей въ Словесности; но я полагалъ надежду на врожденную смѣтливость и быстрое понятіе Рускихъ, и не обманулся.

Познакомясь, сколько мнѣ можно было, короче съ древними Аѳинами, и найдя происшествіе, служащее моему намѣренію, я не скоро еще могъ преобратить его въ полное Драматическое зрѣлище, близкое къ новымъ понятіямъ и привычкамъ. Комедія всегда и вездѣ піитическая; но вѣрная картина нравовъ принуждена разнообразиться по времени и мѣсту. Жизнь Аѳинянъ проходила на площадяхъ, въ портикахъ и садахъ; ихъ мысли, замыслы и разговоры стремились безпре-

сіанно къ дѣлу общественному, въ которомъ участвовали всѣ граждане; и потому, ихъ поэты сочиняли въ родѣ нынче называемомъ политическою комедіею, которая въ Аѳинахъ производила такое же дѣйствіе, какъ въ Англіи оппозиціонныя мнѣнія и журналы. Высокая душа Аристофана, раздражаемая самодержавствомъ неугомонной черни, воспламеняла комическій даръ его; онъ, такъ сказать, схватывалъ съ народной площади лица и происшествія, и не давъ охолодѣть, пародировалъ ихъ на театрѣ. Острыя шутки, забавныя прозвища, вѣрные списки и полезныя истины, облеченныя въ піитическое убранство, вылетая изъ пламеннаго воображенія поэта, прояснялі умъ и радовали насмѣшливость Аѳинянъ; а живое соучастіе къ происходящему на площади и на сценѣ, сливало зрителей съ дѣйствующими лицами въ одно цѣлое.

Мы не Аѳиняне: жизнь наша проходитъ не на площадяхъ, а въ семействахъ; умы наши заняты почти всегда собственными своими, или сосѣдей нашихъ дѣлами; Клеонъ и Пелопонезская война далеки отъ сердецъ нашихъ; успѣхъ комедіи, которую заставили насъ считать только забавою праздности, не въ силахъ овладѣть всѣмъ нашимъ вниманіемъ. Мы привыкли видѣть на театрѣ частныя и любовныя приключенія, общіе людскіе характеры и странности, которыя встрѣ-

чаемъ въ нашемъ общежитіи. Чтобы удвоить соучастіе къ успѣху Аристофановой комедіи, я принужденъ былъ: выдумать, или списать съ Аспазіи лице Алкиной, воспламенить ее страстью, которой образецъ нашелъ въ письмахъ Гликеріи къ комическому поэту Менандру, и по нашему обычаю заставилъ любовь спасать Генія. Для полноты и оправданія дѣйствія, мнѣ нужно было извлечь изъ характеровъ и происшествій, данныхъ исторіей, заговоры, препятствія и хитрости; я долженъ былъ, чтобы утѣшить врожденную въ людяхъ насмѣшливость, вывесть, съ словъ самаго Аристофана, каррикатуры его непріятелей, могущія напомнить нашимъ зрителямъ ихъ сосѣдей. Простая веселость, душа комедіи, требовала, чтобы я занялъ у Аристофана роль Созія и пустилъ по театру Ксантиппу, знакомую всѣмъ, кто слыхалъ о Сократѣ; желая какъ можно быстрѣе перенести воображеніе зрителей въ Аѳины, я тотчасъ представилъ ихъ взору Греческіе древніе обряды, занялъ междудѣйствія Вакхическими играми, которыхъ изображенія мы привыкли видѣть въ картинахъ, барельефахъ и эстампахъ; наконецъ, чтобы сдѣлать, по принятымъ нынче правиламъ, завязку и развязку, я воспользовался доказанною Ѳукидидомъ влюбчивостью и винолюбіемъ Клеона и, признаюсь, Итальянскою Голдоніевою комедіею. Мольеръ, честь новаго те-

атра, говорилъ: »все, что я вижу, или нахожу, мое:» и я, слѣдуя его словамъ и примѣру, силился всѣми находками моими сблизить новѣйшую комедію съ старой (*), и надѣялся, необыкновеннымъ зрѣлищемъ, доставить моимъ современникамъ, не совсѣмъ безполезное, удовольствіе. Чрезвычайный успѣхъ Аристофана въ Петербургѣ, и хорошее принятіе его въ Москвѣ, превзошли мою надежду и съ избыткомъ вознаградили долговременный трудъ.

Великолѣпное зрѣлище, чудесныя декораціи, превосходная музыка, прелестные балеты и прекрасная игра Актеровъ, въ обѣихъ столицахъ, много способствовали къ успѣху комедіи; но дабы увѣриться въ сущномъ ея достоинствѣ и не присвоить себѣ чужаго, я, обнажая ее отъ всѣхъ театральныхъ чародѣйствъ, представляю суду читателей, и ожидаю безпристрастнаго приговора.

Отдавъ отчетъ въ способахъ и успѣхѣ моего сочиненія, я не долженъ умолчать о раздѣлившихъ со мною честь вызова, послѣ перваго пред-

---

(*) Греческая комедія, перемѣнившая три раза свои способы и форму, раздѣляется на старую, среднюю и новую. Почти всѣ творенія Аристофана принадлежатъ къ старой комедіи.

ставленія моей комедіи, въ Петербургѣ (*). Мудреная и сильная роль Аристофана, при начальной мысли о ней, была уже назначена Я. Г. Брянскому; и сей истинный Актеръ, по обыкновенію своему, удовлетворилъ всѣ требованія восхищеннаго имъ сочинителя. Онъ также умѣлъ сдѣлаться самимъ Аристофаномъ, какъ бывалъ Эзопомъ, Сиръ Мунко, изгнанникомъ Юріемъ, Хаберомъ и прочими лицами, принадлежащими амплуа многихъ Актеровъ, и игранными имъ однимъ съ одинакимъ превосходствомъ. Роль Алкиной, труднѣйшая не только въ сей комедіи, но можетъ быть и во всемъ комическомъ репертуарѣ нашемъ, долго казалась мнѣ самому неудобоисполнительною: она непремѣнно требовала, чтобы нашлись въ одной Актрисѣ: молодость, легкій и величавый станъ, Греческая красота, благородство, чистый и скорый выговоръ, выразительный взглядъ, веселость, хитрость прельщенія, сила, насмѣшливость, глубокая чувствительность, и даже трагическій жаръ. Употребляя досуги мои на приготовленіе молодыхъ артистовъ для нашей драматической сцены, я имѣлъ случай замѣтить, или провидѣть все это, соединенное въ 14-ти лѣт-

(*) Сію честь вызова имѣли также въ Москвѣ послѣ Автора: П. С. Мочаловъ и М. Д. Синецкая, игравшіе роли Аристофана и Алкиной, къ большому удовольствію Публики и сочинителя.

ней воспитанницѣ С. Петербургскаго театра. Обрадованный неожиданною находкой, я долго совѣтами моими старался образовать ея чрезвычайное дарованіе, сочинялъ и выбиралъ для нее роли, въ которыхъ бы постепенно она могла открывать и усиливать всѣ способности свои; и тогда только рѣшился отдать мою комедію на театръ, когда опытами увѣрился, что онъ имѣетъ настоящую Алкиною. На предпослѣдней пробѣ Аристофана, сочинитель, прельщенный игрою своей милой воспитанницы, которая роптала на трудность и непрочность искуства своего, обѣщалъ, если успѣхъ увѣнчаетъ ихъ общіе труды, продлить торжество ея до тѣхъ поръ, пока будутъ читать украшенную ею комедію: и вотъ исполненіе его обѣщанія.

Л. О. ДЮРОВОЙ.

И дара прелестью, и пламенной душою,
И рѣзвой хитростью ума
Ты оживила Алкиною,
И сдѣлалась Аспазіей сама.
Какая радость для Поэта!
Какая слава для тебя!...
Но ты грустишь: что слава эта,
Когда ее, какъ дневный свѣтъ любя,
Ей въ дань несешь покоя сладость,
Безпечность юности и свѣжесть красоты:
Промчится, какъ Поэта радость;
Что твой вѣнецъ, какъ ранніе цвѣты,
Съ весной твоей увянетъ,
И что жила на свѣтѣ ты,
Никто не вспомянетъ.
Ты даже всѣмъ твердишь: »Любимецъ божества,
»Поэтъ самимъ собой изящнаго творитель,
»Вина мгновеннаго Актеровъ торжества,
»И времени и смерти побѣдитель,
»Твореніемъ своимъ въ потомствѣ будетъ живъ;
»Мы жъ, рабствуя ему, жизнь нашу изнуряемъ,
»Спарѣемъ въ младости, и вовсе умираемъ....
»Какъ мы несчастливы и какъ Поэтъ счастливъ!...«

Ты мнѣ завидуешь!... напрасно; пусть, быть мо-
жетъ,
Стихи мои дойдутъ до правнуковъ моихъ,
Имъ давность времени, какъ водится, поможетъ,
И взглядъ Эстетика увидитъ въ нихъ:
Такія красоты, и тонкости, и мысли,
Которыхъ самъ не вижу я;
Чтожъ въ этомъ прочнаго? и ты сама разчисли:
На много ли, по смерти, жизнь моя
Продлится дольше тѣхъ злодѣевъ,
Большихъ затѣйниковъ и малыхъ грамотѣевъ,
Которые тебя крушатъ
Спишками гладкими и прозой прекудрявой;
А зрителей даряшъ,
Ничтожною забавой
Обновокъ, скропаныхъ изъ старыхъ лоскутковъ?
Положимъ, что мое удачное твореньe
Останется на нѣсколько вѣковъ;
Однако же забвенье,
Когда нибудь, свое возметъ,
И имя моего ни гдѣ не вспомянутъ.
Но много ли оно, иль мало проживетъ,
Пока еще читать Аристофана станутъ,
Хочу дотолѣ жить съ тобой,
Хотя въ печати, неразлучно.
Я знаю, что со мной
Тебѣ не разъ бывало скучно:
И мудреноль? я старъ, ты молода;
Но здѣсь ужь не твоя бѣда:
Пускай читатели скучаютъ,
И пусть, изъ перваго печатнаго листа

Они узнаютъ;
Что въ цѣлый вечеръ шопъ, когда пвои успа
Спихи мои одушевляли:
Ихъ слушали и не зѣвали;
Что въ уши и сердца они рѣкой лились,
И многихъ восхищали.
А ты, мое дитя, искуспвомъ тѣмъ гордись,
Что силою, опъ Ѳива данной власпи,
Безъ кисти и рѣзца,
Животворитъ мечты, живописуетъ спрасти,
Владѣетъ мыслію, влечетъ съ собой сердца,
Развертываетъ умъ, и возпаряя души,
Понятнымъ дѣлаетъ для всѣхъ языкъ Боговъ.
Ахъ! сколько бы любезныхъ мнѣ спиховъ,
Безъ пользы щекопали уши
У многихъ зрипелей моихъ,
Когда бы ты не восхищала ихъ,
Когда бы голосъ твой до сердца не коснулся
И взглядъ не разбудилъ ума,
Который опъ спиховъ не скоро бы проснулся.
Не ты ль боялася сама,
Чтобъ мой Аристофанъ, Ксантиппа, Алкиноя (*),
Для вѣчнаго покоя
Не спрятались съ театра въ переплетъ?
Чему ужъ напередъ
Противу-Эллины душевно были рады;
Но, вѣрные сподвижники Эллады,

(*) Сіи роли были играны Г-мъ Брянскимъ, Г-жами Ежевой и Дюровой.

На сцену Греками когда явились вы,
Тогда у береговъ Невы
Побѣды плескъ раздался,
Чрезъ воды и лѣса промчался
До бѣлокаменной Москвы
И приготовилъ въ ней Аристофану,
Какъ гостю жданному, пріемъ.
Вы виноваты въ томъ,
Что вѣрить больше я не стану
Зловѣщимъ воронамъ, кричащимъ, будто мы
Высокость древнюю, намъ новаго искусства,
Не въ силахъ постигать.... Нѣтъ, свѣжіе умы,
Отверзтыя сердца, нездавленныя чувства
Условныхъ правилъ тѣснотой
Народъ во всей красѣ, живой и молодой,
Сильнѣе движется, быстрѣе постигаетъ,
Чѣмъ наслажденіемъ пресыщенный старикъ,
Который памятью всѣ чувства замѣняетъ,
И только радъ тому, что видѣть онъ привыкъ.
Счастливы ты и я, что мы живемъ въ семъ свѣтѣ,
На неиспаханной землѣ:
Ты, юности въ прелестномъ цвѣтѣ;
А я, уже ища опоры въ костылѣ,
Но самъ служа тебѣ опорой,
Не рабствуя чужимъ преданіямъ, идемъ
Самой природою проложеннымъ путемъ!...
И, можетъ быть, отъ смерти скорой
Мы наши имена, въ примѣръ другимъ, спасемъ.
Чего преодолѣть не въ силахъ
Любовь къ изящному? что не возможно ей?

И Росцій (*), и Менандръ (**) со всѣмъ своимъ въ
могилахъ,
Но живы въ памяти людей!
Свободною душей носись надъ обольщеньемъ
Но и сама не обольщай судей.
Причудамъ временнымъ постыднымъ угожденьемъ
Не обезьянь жеманства обезьянъ;
Перераждайся вся въ мечты Поэта;
Вникай въ обычаи вѣковъ и странъ;
Бесѣдуй съ книгами; не бѣгай отъ совѣта;
Но повѣряй его разсудкомъ и душой....
И дай мнѣ всѣмъ твердить, любуяся тобой:
»Я счастливѣй Пигмаліона:
»Его чудесный трудъ Богъ свѣта оживилъ;
»А я, огнемъ священнымъ Апполона,
»Созданье милое Боговъ одушевилъ!
И посвятя мое любимое твореньe
Таланту твоему, красѣ моихъ трудовъ,
Надѣюся, что онъ и безъ моихъ стиховъ,
Ужасное душѣ твоей, забвенье
Прогонитъ отъ тебя за множество вѣковъ.

(*) Славный Римскій Актеръ, заслуживший умомъ и даромъ своимъ дружбу Диктатора Силлы; Цицеронъ въ письмахъ своихъ называетъ его честнѣйшимъ человѣкомъ въ Римѣ.

(**) Греческій Комическій Поэтъ, котораго творенія пропали, но имя осталось незабвеннымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

	Въ С. Петербургѣ.	Въ Москвѣ.
Аристофанъ, комическій поэтъ, . .	*Г. Брянскій.*	*Г. Мочаловъ.*
Алкиноя, молодая Аоинянка, племянница Аспазіи, . . .	*Г-жа Дюрова.*	*Г-жа Синецкая.*
Клеонъ, Воинскій Казнодаръ, . . .	*Г. Бобровъ.*	*Г. К. Барановъ.*
Стратоклъ, первый Архонтъ, . . .	*Г. Борецкой.*	*Г. Третьяковъ.*
Жрецъ Вакховъ, .	*Г. Байковъ.*	*Г. Лавровъ.*
Враги Аристофана и приверженцы Клеона. Антимахъ, комическій поэтъ,	*Г. Сосницкій.*	*Г. Сабуровъ.*
Хавесъ, Судья,	*Г. Величкинъ.*	*Г. Рязанцевъ.*
Ипперболъ, родственникъ Клеона . . .	*Г. Щениковъ.*	*Г. Прусаковъ.*
Ѳеогней, трагикъ, - -	*Г. Калининъ.*	*Г. Максинъ б.*
Евгалій, Ораторъ, . .	*Г. Сибиряковъ.*	*Г. Ленскій.*
Ксантиппа, жена Сократа, ...	*Г-жа Ежова б.*	*Г-жа Кавалер.*

	Въ С. Петербургѣ.	Въ Москвѣ.
Херофонтъ, ученикъ Сократовъ, . .	*Г. Салтыковъ.*	*Г. Тихомировъ.*
Созія, рабъ Аристофановъ, ...	*Г. Рамазановъ.*	*Г. Щепкинъ.*
Фригикъ, рабъ Клеоновъ, ...	*Г. Боченковъ.*	*Г. Усачевъ.*
Наксія, подруга Алкиноя, . . .	*Г-жа Величкина л.*	*Г-жа Малыш.*
Лесвія, дѣва посвященная, . . .	*Г-жа Трохнева.*	*Г-жа Вятроц. б.*
Аглая, Эгина, Рабыни Алкиноя, .	*Г-жа Шелихова.*	*Г-жа Филлисъ.*
	Г-жа Прилуцкая.	*Г-жа Вятроц. м.*

Сикофанты: *Гг. Териховъ, Экунинъ, Воротниковъ, Руссо, Носовъ, Петровъ и Полянской,* въ С. Петербургѣ.

Гг. Олимпіевъ, Максинъ м., Медвѣдевъ и Слукинъ, въ Москвѣ.

Ликофоры, Главная Жрица, Кенефоры, Архонты, Ифифаллы, Филофоры, Жрецы, Жрицы, Вакханки, Фавны, Сикофанты и народъ.

АРИСТОФАНЪ,

КОМЕДІЯ.

Театръ представляетъ уголъ улицы Треножниковъ; на лѣвую сторону идетъ улица Эрмесовъ за храмъ Эскулаповъ; на правой сторонѣ первыя три кулиссы занимаютъ храмъ Вакховъ съ выдавшимися впередъ колоннами, помостомъ и фронтономъ (*).

Прежде поднятія занавѣса, во время увертюры, слышны трубы и первая строфа хора. При поднятіи занавѣса, народъ стоитъ уже на театрѣ лицемъ къ Вакхову храму. Архонты подлѣ помоста храма съ почетными Гражданами. Ходъ продолжается изъ-за храма, по улицѣ Треножниковъ, и подходя къ Эскулапову храму, поворачиваетъ къ Вакхову. — Первыя идутъ Кинефоры (дѣвы по-

(*) Декорація написана сообразно плану Аоиніе. *См. Пут. Мол. Анах.*

священныя) въ длинныхъ покрывалахъ, сокрывающихъ ихъ лица; онѣ несутъ въ корзинахъ плоды и утвари таинствъ, покрытыя бѣлыми съ золотой бахралой покровами; онѣ входятъ на ступени храма, ставятъ дары, и, проходя по перистилю, спускаются съ ступеней и становятся предъ народомъ. За ними слѣдуютъ Филлофоры, несущія золотые кубки, чаши, вазы и прочіе дары Вакху; онѣ увѣнчаны плющемъ, фіалками и акантами, и покрыты большими мантіями; приближаясь къ храму, ставятъ дары свои на жертвенники, поставленные у полюста, и возвращаясь становятся предъ Кинефоріи. Въ слѣдъ за ними идетъ Ликофора въ жрическомъ одѣяніи и въ аларѣ изъ виноградныхъ гроздъ; она несетъ на головѣ золотое рѣшето, наполненное виноградомъ; предъ колесницею, везомою Іоифаллами, одѣтыми въ женское платье и увѣнчанными виноградными гроздами, идетъ верховная Жрица въ вѣнцѣ изъ золотыхъ листьевъ винограда, въ золотомъ аларѣ, послѣдуемая двумя Жрицами, которыхъ украшеніе изъ серебра. — Верховный Жрецъ выходитъ имъ на встрѣчу; онѣ снимаютъ съ колесницы, на которой жертвенникъ, три золотыя узкогорлыя чаши, и подаютъ ихъ Верховному Жрецу и двумъ Жрицамъ; Жрецы ихъ принимаютъ, онѣ обходятъ кругъ и становятся предъ всѣми другими. Шествіе заключаютъ Вакханки съ тарелками, бубнами и

тимпанами. Жрецъ по принятіи чашъ взноситъ ихъ на помостъ, гдѣ осушаетъ надъ священнымъ огнемъ, показывая тѣмъ, что онѣ пусты; потомъ закупориваетъ ихъ мастическими пробками и запечатываетъ священнымъ перстнемъ. Во время хода и обряда слышенъ

ХОРЪ НАРОДА.

Да Скифовъ родъ безчеловѣчный
Людскою кровію блажитъ своихъ боговъ;
Нашъ Вакхъ, въ щедротахъ безконечный,
Не требуетъ отъ насъ ужасныхъ сихъ даровъ.

*

Скройтесь, воины злоправны,
Кровью вы обагрены;
А Сатиры, Вакхъ и Фавны
Чужды крови и войны.

*

Громъ на смертныхъ кровожадныхъ,
Чьи уста, рука и мечь
Вакха дней святообрядныхъ
Таинства дерзнетъ пресѣчь!

*

ТРИ ДѢВЫ, *во время очищенія чашъ.*

О Вакхъ! внемли моленья наши
Во изволеніи благомъ,
И обнови златыя чаши
На утро радостнымъ вином.

*

*

Верховный Жрецъ, *по совершеніи обряда.*

Отъ устъ нелжевѣпныхъ, отъ чиспаго сердца, въ
чершогъ наднебесный
Къ Семеллѣ и Вакху и къ вѣчнымъ богамъ
Моленья восходятъ, какъ жертвъ фиміамъ;
И чашъ къ обновленью даръ Вакха чудесный
До свѣтлаго утра наполнитъ ихъ самъ.

Хоръ.

Внемлетъ Вакхъ моленья наши!
Въ изволеніи благомъ
Обновитъ златыя чаши
Къ утру радостнымъ вином!

* * *

Верховный Жрецъ во время сего хора уноситъ чаши; прочіе Жрецы и юноши въ большомъ порядкѣ вносятъ въ храмъ дары и утвари.

Стротоклъ, *войдя по колоннадѣ на полостъ.*

Ленейскій первый день сверша вечерней жертвой,
Аѳиняне! въ дома идите на покой,
И помните, что Вакхъ обязанностью первой
Поставилъ—не смущать празднествъ его враждой;
Что въ честь ему, Аѳинамъ нашимъ къ славѣ,
Мы цѣлой Греціи даемъ трехдневный пиръ;
Что каждый Грекъ имъ пользоваться въ правѣ
И даже въ дни войны найти въ Аѳинахъ миръ.
Чтобъ къ часу первому священной ночи

Вакханокъ не смыкались очи,
И радостью прогнавши сонъ,
Блистали, какъ блесницъ предъ упромъ Оріонъ;
Чтобъ крикомъ, пѣснями и свѣточей огнями
Ночь Вакхова преобратилась въ день;
Когда же солнца свѣтъ прогонитъ мрака тѣнь,
Въ театръ сберитесь за спѣнами,
И тамъ, къ стяжанію Ленейскаго вѣнца (*),
Пресвѣтлымъ вдохновенный Ѳивомъ,
Аристофанъ, въ твореніи шутливомъ,
Веселой мудростью обрадуетъ сердца.

Идетъ; за нимъ, отходя, народъ повторяетъ.

Хоръ.

Внемлетъ Вакхъ моленья наши!
Въ изволеніи благомъ
Обновитъ златыя чаши
Къ утру радостнымъ вином.

(*) Т. е. Вѣнецъ которымъ награждали Поэтовъ въ Ленейскій праздникъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Антимахъ, Евгалій и нѣсколько Сикофантовъ.

Антимахъ, *удерживая прочихъ.*

Я клянться вамъ не стану
За чудо Вакхово, за искренность Жреца;
Но поклянусь, что быть Аристофану
Не только безъ вѣнца:
Безъ крова и безъ хлѣба.

Евгалій.

Я радъ!

Антимахъ.

Такъ, выгнанный изъ Аттики съ стыдомъ,
Пойдетъ онъ милостынь, во имя неба,
Просить у варваровъ злодѣйскимъ языкомъ.

Евгалій.

Боюсь...

Антимахъ.

Помилуй, ты всегда дрожишь отъ страха;
Евгалій, положись во всемъ на Антимаха.
Въ Аѳинахъ все зависитъ отъ связей:
Съ Клеономъ же у насъ до тысячи друзей
И самыхъ голосистыхъ.
Когда кричать начнутъ,

То мигомъ заглушатъ Акперовъ прерѣчистыхъ,
И, если не умомъ, то горломъ ужъ возьмутъ.
Аристофанъ мои комедіи злословитъ,
Зоветъ меня.... Ну, пусть и это ничего!
Но въ Всадникахъ своихъ, Клеона самаго
На сцену выставя, онъ то себѣ готовитъ,
Что ужаснетъ Аристократовъ всѣхъ.
Перикла (2) я и самъ щипнулъ, за то успѣхъ
Моей Комедіи не очень былъ удаченъ.
А! вотъ Аристофанъ.... Какъ мраченъ!
Да это добрый знакъ:
Онъ насъ боится.

ЕВГАЛІЙ.

Такъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И АРИСТОФАНЪ, *входитъ, задумавшись, съ свиткомъ въ рукѣ.*

АНТИМАХЪ.

Аристофанъ!

АРИСТОФАНЪ, *взглянувъ на него.*

Прощай.

АНТИМАХЪ.

Постой, ты что-то скученъ;
И я ударюсь объ закладъ,
Что Всадникамъ своимъ ты самъ теперь не радъ.
Неправдаль, ты опъ нихъ заранѣе измученъ?

АРИСТОФАНЪ.

Чтожъ, станется.

АНТИМАХЪ.

А я не мучусь никогда.

АРИСТОФАНЪ.

Не мучишься, но мучишь.

АНТИМАХЪ.

Да, завистью быть можетъ иногда.

АРИСТОФАНЪ.

Нѣтъ, скукой — и всегда.

АНТИМАХЪ.

Глупцамъ лишь глупостью одною не наскучишь.

АРИСТОФАНЪ.

И умныхъ и глупцовъ отъ смѣха ты отъучишь.

АНТИМАХЪ.

Кто? я?

АРИСТОФАНЪ.

Ты самъ смѣшонъ, да шутишь не смѣшно:
Смѣяться жъ и зѣвать вдругъ очень мудрено.

АНТИМАХЪ.

Улыбку — хохота считаю я пристойнѣй,
Ругательствомъ быть милымъ не хочу
И колкость личную комедіей мягчу (3).

АРИСТОФАНЪ.

Чтобъ было спать спокойнѣй;
И такъ покойна ночь.

Хочетъ идти.

Антимахъ.

Помилуй, чтожь отъ насъ бѣжишь такъ скоро прочь?
Поговоримъ еще.... я, право, радъ сердечно,
Что Всадниковъ твоихъ дадутъ.

Аристофанъ.

Дадутъ конечно.

Антимахъ.

Паденья жъ ихъ тебѣ бояться нѣтъ причинъ?

Аристофанъ.

Хоть есть, хоть нѣтъ; но я республику возвышу,
Какъ съ плечь ея сшибу грабителя Аѳинъ,
Кожевника Клеона.

Евгалій, *затыкая уши уходитъ.*

Я не слышу.

Одинъ изъ Сикофантовъ.

Въ доносъ.

Антиманъ.

Прощай.

ЯВЛЕНІЕ III.

Аристофанъ, потомъ Созія.

Аристофанъ.

Прощай!.. И онъ поэтъ!
Неправда, онъ спишковъ холодныхъ сочинитель,
Небеснаго жъ огня въ немъ малой искры нѣтъ;
Но этотъ ледяной комедіи мягчитель
Мнѣ помѣшалъ дочесть мой первый хоръ.

Боюсь, чтобъ Хеарей (*) дорическимъ напѣвомъ
И свистомъ Ѳивскихъ флейтъ и трубъ Тирренскихъ ревомъ
Не загармонилъ вздоръ,
И словъ не заглушилъ тимпанами своими.
Но анапестами моими
Доволенъ я до этихъ поръ.
Прочтемъ еще...
»Какъ счастливъ для Аѳинъ, для потомства, для насъ,
»Умоборцу Клеону несчастливый часъ.
»Ахъ! давноль почивались Аѳины цвѣтущи
»И жилищемъ искусствъ и пріютомъ наукъ?
»Но, увы! гдѣ Клеоны одни всемогущи,
»Тамъ и лира и кисть — упадаютъ изъ рукъ!»
...Такъ, кажется все ясно.

Созія, *въ сторону.*

И ясно, и прекрасно,
И правда, и умно...
Да только намъ опасно.

Аристофанъ.

И это въ музыкѣ сказать не мудрено:
»Кто безстыднаго алчность предъ Греціей цѣлой
»Обезсмертитъ къ позору комедіей смѣлой,
»Благосердый того не хулою почтитъ;
»Кто же видя и срамъ и несчастія наши,

(*) Аристофанъ упоминаетъ о *Хеареѣ*, прославившемъ себя игрою на Ѳивской флейтѣ.

»Посрамителя игомъ въ душѣ не мерзитъ,
»Изъ одной топъ со мною не будетъ пить чаши.«(*)
Послѣдній стихъ одинъ
Не ловокъ.

Созіа.

Въ слѣдъ Аристофану.

Ну, пошелъ... Мой добрый господинъ!...
Не слышитъ;—и ходитъ всю ночь пожалуй станетъ;
Комедія жъ ему откликнется бѣдой!...
Да какъ начать?... пущусь, чихну, авось онъ взглянетъ.

Чихаетъ.

Аристофанъ.

А! Созіа! за чѣмъ?

Созіа.

Какъ видишь, за тобой!

Аристофанъ.

Да, я тебя послалъ....

Созіа.

Къ акперамъ съ этой ношей.

Аристофанъ.

Иди жъ.

Созіа.

Иду; но выслушай меня.
Ты знаешь, что Эзопъ холопспвовалъ какъ я;
А Ксанѳу далъ совѣтъ хорошій.

(*) Объ сіи строфы взяты изъ анапестическихъ хоровъ *Комедіи Аристоф. Всадники.*

АРИСТОФАНЪ.

Такъ что-жъ?

СОЗІА.

Я также, какъ Эзопъ....

АРИСТОФАНЪ.

А ты съ нимъ очень схожъ,
Да только не умомъ.

СОЗІА.

И ближнимъ нѣтъ пощады!
Однако же повѣрь, что нашему уму
Дивятся многіе.

АРИСТОФАНЪ.

О! вѣрю, потому
Что и Клеону здѣсь глупцы дивиться рады.

СОЗІА.

Объ немъ теперь и рѣчь.

АРИСТОФАНЪ.

Какая? говори жъ!

СОЗІА.

Дай снять мнѣ ношу съ плечъ.

АРИСТОФАНЪ.

Ну, что жъ?

СОЗІА.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ воинскимъ Казнодаромъ
Воинскую казну даритъ своимъ друзьямъ,
И плату за присѣстъ уполторилъ судьямъ, (*)

(*) Клеонъ убѣдилъ народъ прибавить къ двумъ оболамъ, которые получали судьи за каждое засѣданіе, еще по

Такъ стало быть не даромъ
Они на площади и въ Пниксѣ всѣмъ кричатъ,
Что ты народа врагъ, что ты Аристократъ, (*)
Клеону ищешь зла....

АРИСТОФАНЪ.

И въ этомъ не таюся.

СОЗІА.

Тѣмъ хуже: за тебя Клеона я боюся.

АРИСТОФАНЪ.

Не бойся: посмотри, боюсь ли я кого?
Кто славу ловитъ, тотъ не ходитъ робкимъ шагомъ.

СОЗІА.

Да Казнодаръ силенъ.

АРИСТОФАНЪ.

А смѣхъ сильнѣй его.
Ты помнишь, какъ меня предъ всѣмъ Ареопагомъ
Винилъ онъ въ клеветѣ, и кто жъ оправданъ?

СОЗІА.

Ты.
Все помню: отъ твоей забавной остроты
Клеонъ смѣшался,
Народъ разхохотался (**);

одному. *Θυκιδ.* и *Арист.* отъ того называлъ ихъ Триоболами.

(*) Клеонъ обвинялъ Аристофана въ Аристократствѣ, потому, что онъ не терпѣлъ своевольства черни, и былъ друженъ съ Никіемъ и прочими знаменитыми Гражданами. *Θυκιδ.*

(**) Историческое.

А кто его смѣшитъ, тотъ съ нимъ безспорно правъ.
Люблю Аѳинянъ я за ихъ веселый нравъ;
Что за народъ! брани его, кто хочетъ,
Стихами, да умно,
Такъ онъ же самъ похочетъ,
И съ Комикомъ себя дурачитъ за одно.

АРИСТОФАНЪ.

Ты правъ, осмѣивать Аѳинянъ можно смѣло;
Но надо говорить и хорошо, и дѣло;
Не то ужь не они, а Авторъ въ дуракахъ.

СОЗІА.

И это не бѣда.

АРИСТОФАНЪ.

Какъ, не бѣда?

СОЗІА.

Конечно.
Ты самъ же говоришь, что Комикъ Аннимахъ
И вралъ, и вретъ, и врать все будетъ вѣчно;
Однакожъ онъ богатъ,
И хлопаютъ ему за то, что торовать.

АРИСТОФАНЪ.

А съ голода богачь моритъ своихъ Акперовъ. (4)

СОЗІА.

Да кормитъ и поитъ Судей и Сенаторовъ (*);
И за кого Клеонъ...

(*) Латинскіе и позднѣйшіе Греческіе Писатели послѣ Плутарха даютъ названіе Сенаторовъ Ареопагитамъ или Членамъ Ареопага, высшаго Аѳинскаго Судилища.

Аристофанъ.

Клеонъ за всѣхъ глупцовъ.

Созіа.

А за него глупцы: ты жъ самъ пшердишь, что въ свѣтѣ,
Благодаря боговъ,
Гораздо больше дураковъ.
Гдѣ жъ больше, тамъ сильнѣй: и такъ, по этой смѣтѣ,
Бороться съ ними намъ совсѣмъ не по плечу.

Аристофанъ.

Глупцовъ я не страшуся,
Ихъ дружбы не хочу,
Ихъ непріязнію горжуся,
Смѣшу другихъ и самъ надъ ними хохочу.

Созіа.

Все такъ, да ихъ дразнишь, повѣрь богамъ, не нужно;
Они между собой живутъ хоть и не дружно,
А тронь-ка одного: всѣ тотчасъ за одно;
И вотъ еще не давно
Евполій ихъ задѣлъ, и въ морѣ смѣрилъ дно (*).

Аристофанъ.

Да развѣ все равно,
Что онъ, что я.

(*) Хотя сіе произшествіе случилось гораздо послѣ представленія Всадниковъ; но соч. позволилъ себѣ сей анахронизмъ, чтобы очевиднѣе показать опасность, предстоящую Аристофану.

Созія.

Нѣтъ, онъ шутилъ не такъ забавно,
И хотя въ Утопленныхъ, комедіи своей,
Онъ бѣдныхъ насмѣшилъ, ругая богачей,
Да не въ попадъ: ему забавнѣй опшутили.
И за Утопленныхъ его
Поэта самаго
Въ Пирѣѣ (*) утопили.

Аристофанъ.

Пусть и меня не трудно утопить;
Но вѣрь, стихи мои со мною не утонутъ,
И въ нихъ Аристофанъ безсмертно будетъ жить.

Созія, *въ сторону поднимая ношу.*

Примѣры, вижу я, никакъ его не пронутъ;
Примусь-ка за любовь.

Аристофанъ.

Ну, что жъ ты сталъ?

Созія.

Иду.
Ахъ! я забылъ сказать, что видѣлъ Алкиною.

Аристофанъ.

Когда? и гдѣ?

Созія.

Сей часъ, въ Кипридиномъ саду (**),

(*) *Пирей*, Аѳинская пристань.

(**) Публичный Аѳинскій садъ, назывался Кипридинымъ или Венеринымъ. *См. Пут. М. Анах.*

Гдѣ, окруженная влюбленною толпою,
Она казалася Кипридою самою.

Аристофанъ.

Ахъ! какъ она мила, прелестна и умна!

Созія.

Да, умъ ея въ Аѳинахъ прославляютъ,
И даже съ шепкою племянницу равняютъ;
Но врядъ Аспазія (5) душею съ ней равна.

Аристофанъ.

Кто жъ былъ еще въ саду?

Созія.

Я встрѣтилъ Ліогора.

Аристофанъ.

Съ его фазанами? (*)

Созія.

Нѣтъ, съ кучею рабовъ,
Которые съ корзинами плодовъ,
Съ сластями разными бѣгутъ за нимъ.

Аристофанъ.

Прожора!—
Потомъ?

Созія.

Ѳеорія.

Аристофанъ.

Клеонова скворца.
А тамъ?

(*) Изъ *Аристофана*, также какъ и прозвища, которыми онъ показываетъ свойства Ѳеорія, Филострата, и проч.

Созія.

Силена - Филострата...

И Иппербола.

Аристофанъ.

Прошлеца.

Всѣ маски глупыя берутъ съ его лица.

Еще жъ?

Созія.

Учениковъ Сократа.

Аристофанъ.

Которыхъ?

Созія.

Счетомъ трёхъ, и въ томъ счету Платонъ.

Аристофанъ.

Что жъ онъ доказывалъ?

Созія.

Кругами Алкиноѣ

Доказывалъ любовь.

Аристофанъ.

Ей не опасенъ онъ

Своей любовію; а кто жъ другіе двое?

Созія.

Да за Ксантиппою тамъ бѣгалъ Херофонъ,

И брань ея сносилъ, держась Сократскихъ правилъ.

Аристофанъ.

Мертвецъ! А третій кто?

Созія.

Алкивіадъ.

АРИСТОФАНЪ.

Алкивіадъ! что жъ онъ?

СОЗІА.

Явился только въ садъ
И съ Алкиноею любезно закартавилъ. (*)

АРИСТОФАНЪ.

Такъ, вѣрно ужь она
Его любезностью была восхищена,
И обо мнѣ ни слова не спросила?

СОЗІА.

Напротивъ, брося всѣхъ, со мной заговорила.

АРИСТОФАНЪ.

О чемъ же?

СОЗІА.

О тебѣ.

АРИСТОФАНЪ.

Какъ? что? скажи скорѣй?

СОЗІА.

Пеняла, что давно ты не видался съ ней....
Притомъ боялась страхъ....

АРИСТОФАНЪ.

Ей нечего бояться.

СОЗІА.

Да Всадниковъ твоихъ играютъ завтра....

(*) Алкивіадъ не выговаривалъ Р и Аристофанъ въ Ком., пересказывая его разговоръ и помѣщая вмѣсто лит. Р лит. Л, даетъ превратный и комическій смыслъ его словамъ.

Аристофанъ.

Что жъ?

Созіа.

Ну, ежели они съ коней своихъ сваляпся?

Аристофанъ.

Не можетъ быть.

Созіа.

Клеонъ, кроитель кожъ,
Кроитъ теперь Аѳины
И нашихъ зрителей почти до половины
Ужь подкроилъ къ себѣ, чтобъ Всадниковъ сшибить.

Аристофанъ.

Они не трагики, и ходятъ безъ ходулей.

Созіа.

Да ежели въ Театръ, какъ осы къ пчеламъ въ улей,
Клеонцы (*) налетятъ, тогда добра не быть.
А и Комедіи давали часто маха.

Аристофанъ.

Комедіи работы Аптимаха.
Но Алкиноя что сказать велѣла мнѣ?

Созіа.

Что все она груститъ, что прежды ей во снѣ
Приснилось, будто цапля
Склевала у нее любимаго чижа;

(*) Приверженцы Клеоновы; Аристофанъ часто употреблялъ сей родъ иронической Патронимики и также дѣлалъ изъ собственныхъ именъ глаголы, которымъ подражалъ Соч., какъ на пр. клеонить, евриподить, и пр.

Что въ медовой сосудъ упала желчи капля.
Евриклей ей сказалъ, по свойски ворожа,
Что это не къ добру. Она уже Ирисѣ
На жертву трехъ барашковъ принесла,
Съ дарами къ Ирѣ въ храмъ отправила посла,
И мылася въ Иллисѣ,
Чтобъ смыть дурные сны. (*)

Аристофанъ.

Да я не вѣрю снамъ.

Созія.

Не вѣришь, но Зевесъ ихъ посылаетъ намъ.

Аристофанъ.

Въ трагическомъ бреду.... А, вотъ и Алкиноя.

Созія, *въ сторону.*

Авось уговоритъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Аристофанъ, Алкиноя, Созія.

Алкиноя.

Давно ль Аристофанъ
Въ Аѳинахъ? Изъ какихъ пріѣхалъ дальнихъ странъ?
Гдѣ былъ?

Аристофанъ.

Прости меня, я не имѣлъ покоя
Съ тѣхъ поръ, какъ Всадниковъ окончилъ....

(*) Всѣ сіи суевѣрія взяты изъ Еврипида.

Алкиноя.

И писалъ....

Аристофанъ.

Ахъ! цѣпъ, я былъ иногда въ небесномъ восхищеньѣ:
Самъ Ѳивъ, казалось мнѣ, спихи мои внушалъ;
Но кончить не успѣлъ, какъ началось мученье:
Друзья и недрузья, и чужеспранцевъ тьма,
Какъ Ліогоровъ столъ, мой домикъ окружили,
И не спавъ, ужь безъ ума
Комедію мою хвалили.
Потомъ судьямъ ее я долженъ былъ прочесть. (*)

Алкиноя.

И что жъ они?

Аристофанъ.

Нашли прекрасной;
Кричали, что она Аѳинамъ будетъ въ честь;
Но что Клеонъ и золъ, и человѣкъ опасной.
Потомъ Комедію Крапинія прочли
И, въ робости ему не уступая, (**)

(*) Сіи Судьи были избираемы изъ отличныхъ свѣденіями Ареопагитовъ, и по свидѣтельству *Мартинія*, они назывались сперва Аѳлофетами, а потомъ Номодикпами и Фонасками; награды Поэтамъ и Актерамъ опредѣлялись ими, подъ предсѣдательствомъ перваго Архонта, который былъ Хорегомъ, или учредителемъ торжественныхъ шествій, и предводителемъ хоровъ въ священныхъ обрядахъ. Числомъ ихъ было девять.

(**) Комическій поэтъ, Крапиній, бѣжалъ съ сраженія. *Аристъ.*

Едва ее моей не предпочли.
Тутъ съ мѣста я вскочилъ, и бѣшенствомъ пылая
Сказалъ: когда мила еще вамъ честь Аѳинъ,
Когда вы не рабы ременщика Клеона,
Благодарите Поссидона, (*)
Что въ Аттикѣ одинъ нашелся гражданинъ,
Кто смѣетъ уличать въ глаза, передъ льстецами,
Того, кто васъ срамитъ и ненавидимъ вами.
Всѣ лица вспыхнули, и правда верхъ взяла.
Спратоклъ взглянулъ на нихъ и удержась отъ смѣха,
Мнѣ хоръ безспорно далъ (6): комедія пошла,
И Судьи шопотомъ желали мнѣ успѣха.

Алкиноя.

А я не шопотомъ молю боговъ о немъ.
Но дружбѣ ты повѣрь и согласися....

Аристофанъ.

Въ чемъ?

Алкиноя.

Что для тебя и всѣхъ Клеонъ еще опасенъ.

Аристофанъ.

Ахъ! это знаю я.

Алкиноя.

Такъ лучше отложить
Твою комедію; и самъ Архонтъ согласенъ
Ее другою замѣнить.

(*) Нептунъ, покровитель Аѳинскаго мореплаванія.

Аристофанъ.

Другая лучше ль?...

Алкиноя.

Нѣтъ, никто ихъ не равняетъ;
Но....

Аристофанъ.

Всадниковъ дадутъ; и если свѣтлый Ѳивъ
Мою комедію успѣхомъ увѣнчаетъ,
То я безсмертенъ и счастливъ.

Созія.

Онъ все свое несетъ, примусь и я за ношу.

Алкиноя.

Подумай, что Клеонъ Воинскій Казнодаръ,
И можетъ все....

Аристофанъ.

Такъ я, мнѣ Ѳивомъ данный даръ,
Какъ Клеонимъ (*) свой щитъ въ опасной битвѣ
брошу?
И буду ждать,
Чтобъ мертваго врага, какъ коршуну клевать?
Нѣтъ, нѣтъ, пока мои успа не онѣмѣли,
Не опнялась рука, пока на свѣтъ гляжу:
Бездѣльства никогда, ни въ комъ не пощажу!
Поэты честные когда и гдѣ терпѣли
Порока торжество?

(*) Аѳинскій Полководецъ, осмѣянный Аристофаномъ въ ком. *Ахаріане.*

И безъ высокой цѣли,
Комедія была бъ лишь только шутовство.

Алкиноя.

Ты правъ, Аристофанъ, и я съ тобой согласна.

Созія, *въ сторону.*

Согласна! — такъ прощай.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Аристофанъ и Алкиноя.

Алкиноя.

Но все тебѣ опасна,
Повѣрь мнѣ, вѣтреность Аттическихъ головъ.
Такъ, завтра весь народъ бранить Клеона будетъ,
А послѣ завтра все забудетъ,
Послушаетъ льстецовъ,—
И въ терніе тебѣ преобратятся розы.
А надъ Клеономъ смѣхъ слезъ будетъ стоить мнѣ.

Аристофанъ.

Какъ! ты забыть могла...,

Алкиноя.

Ахъ! помню я однѣ
Клеоновы угрозы.
А, къ стати: знаешь ли, что онъ въ меня влюбленъ?

Аристофанъ.

Влюбленъ?

Алкиноя.

И самъ вчера открылься удостоилъ.

Какъ былъ неловокъ, глупъ, досаденъ и смѣшонъ
И право твоего Филоклеона (*) споилъ.

Аристофанъ.

Ты слушала его?

Алкиноя.

Да, слушала; а что?

Аристофанъ.

Онъ развѣ сотворенъ на то,
Чтобъ говорить съ тобой? пусть Кинна, Сала-
вакха (**)
Прелестныя однимъ лицомъ,
За чашей винодавца Вакха,
Торгуютъ зломъ Аѳинъ съ кожевнымъ продавцомъ;
Но ты....

Алкиноя.

Мы издали живемъ пока друзьями:
Хвалю его за то, что онъ хоть вышелъ въ знать,
Однакожъ продавцомъ не позабылъ кричать
И пахнетъ все еще ремнями. (***)

Аристофанъ.

Но терпишь, чтобъ тобой прельщался онъ?

(*) Филоклеонъ, дѣйствующее лице изъ Аристоф. комед. *Осы;* имя Филоклеонъ значитъ любитель Клеона.

(**) Прелестницы, дѣлившія съ сластолюбивымъ и влюбчивымъ Клеономъ его хищенія. *Ѳукид.*

(***) Изъ Аристоф.

Алкиноя.

Терплю.

Аристофанъ.

И признаешься?

Алкиноя.

Да; — такъ онъ тебя тревожитъ?

Аристофанъ.

Скажи, ты любишь ли меня?

Алкиноя.

Люблю.

Аристофанъ.

А примешь, можетъ быть, его въ свой домъ?

Алкиноя.

Быть можетъ.

Аристофанъ.

Когда же онъ придетъ?

Алкиноя.

Сего дня ввечеру,
И на предпраздничномъ пиру
Мы встрѣтимъ Вакховъ день гостеприимной чашей.

Аристофанъ.

Прощай!

Алкиноя.

Куда же ты?

Аристофанъ.

Къ моимъ друзьямъ.

Алкиноя.

Ко мнѣ?

Аристофанъ.

Нѣтъ, пусть пируетъ тамъ
Прелестникъ Казнодаръ.

Алкиноя.

Клянусь Аѳиной (*) нашей,
Что ты меня смѣшишь.

Аристофанъ.

Да, я привыкъ смѣшить.

Алкиноя.

Умомъ.

Аристофанъ.

Любовь и умъ не могутъ вмѣстѣ жить.

Алкиноя.

О! вѣрю.

Аристофанъ.

Что умъ я потерялъ?

Алкиноя.

Не спорю; но найдешь
Тотчасъ свою потерю.

Аристофанъ.

Я не хочу искать.

Алкиноя.

Съищи, иль не поймешь
Что выдумала я.

Аристофанъ.

А что?

(*) Имя Минервы, отъ котораго Аѳины получили свое именованіе.

Алкиноя.

Ты помѣшаешь,
Такъ не скажу.

Аристофанъ.

Скажи!

Алкиноя.

Нѣтъ, завтра все узнаешь;
А нынче ничего.... Ахъ! кто бѣжитъ сюда?..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Созія.

Созія.

Ай, ай!

Аристофанъ.

Что сдѣлалось?

Созія.

Никто и никогда
Изъ вѣрныхъ всѣхъ рабовъ такъ не былъ битъ ужасно!
(*Показывая щеку*).
Ты это видишь ли? а? что?

Аристофанъ.

Немного красно.

Созія.

Эрмесъ порука мнѣ, что такъ, какъ есть рука,
Онъ въ щоку врѣзалъ всю; — досадно, что бока,
Плеча мои и спину
Не смѣю показать; — да пусть бы Гражданину

Пришлось спустишь: а то слуга, свой братъ
Осмѣлился.....

Аристофанъ.

И самъ ты вѣрно виноватъ.

Созія.

Неправда, виноватa
Твоя Комедія; ты цѣлый свѣтъ бранишь,
А за тебя со мной разплата.
И что въ ней умнаго?

Алкиноя.

Про что ты говоришь?

Созія.

Про бѣшеную силу,
Съ которой бьетъ....

Алкиноя.

Кто?

Созія.

Рабъ Клеона паглеца.

Аристофанъ.

За что и гдѣ?

Созія.

Лишь я свернулъ къ Пекилу (*)
Какъ за просто и безъ вѣнца
Клеона тупъ вспрѣчаю.

(*) Славный Аѳинскій портикъ, между которымъ и Аго-рою, торговою площадью, была поставлена статуя Солонова. *См. Пут. Мол. Анахар.*

Я слышу говорятъ про насъ:
Топчасъ
Мой грузъ за статую Солонову бросаю,
И ну подслушивать.... Вдругъ Фригикъ пырь въ глаза.
За чѣмъ ты здѣсь?—Да такъ.—Что дѣлаешь?—Гуляю.
Нѣтъ, ты подслушивалъ, и съ словомъ далъ раза.
Лечу, кричу, и что жъ? Клеонъ со всѣмъ причепомъ
Меня же подняли на смѣхъ.

Алкиноя.

Да кто жъ съ нимъ шелъ?

Созіа.

Ихъ съ тридцать было счетомъ,
И все бездушники.

Аристофанъ.

Кто именно?

Созіа.

Я всѣхъ
Не разсмотрѣлъ отъ страха;
Но видѣлъ Антимаха;
Съ нимъ Трагикъ Ѳеогней,
Евгалій льстецъ, Хавесъ, поджога всѣхъ судей,
Безстыдникъ Ипперболъ (7) и Сикофантовъ (*) куча,
Готовыхъ доносить на всѣхъ честныхъ людей....
О Боги!...

Аристофанъ.

Что еще?

(*) Сикофанты были публичные обвинители, или доносчики.

Созія.

Ты видишь, пыли туча
Опъ Эрмесовъ на насъ неслися прямо?...

Аристофанъ.

Да.

Созія.

Ахъ, вотъ они!

Аристофанъ.

Такъ что же за бѣда?
И я не прочь опъ этой встрѣчи.

Созія.

А я такъ прочь. *(Уходитъ.)*

Алкиноя.

Ахъ! какъ они шумятъ
И назвали тебя: чтобъ ихъ услышать рѣчи,
Войдемъ въ предхраміе.

Аристофанъ.

Я знаю, что хотятъ
Они на Всадниковъ прибрать себѣ крамолу.

Алкиноя.

Войдемъ.

(Вводитъ его въ предхраміе, въ которомъ они видны зрителямъ; а отъ дѣйствующихъ закрыты колоннами).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же (*въ предхраміи*), Антимахъ, Евгалій, Ипперболъ, Клеонъ, Ѳеогней, Хавесъ и Сикофанты.

Клеонъ (*).

Такъ, Ѳеогней, Хавесу, Ипперболу,
Евгалію, вамъ всѣмъ, и Антимахъ, тебѣ
Потѣху славную Аристофанъ готовитъ.
Ужь я не говорю ни слова о себѣ:
Пускай меня злословитъ,
Пустъ лаетъ на меня, — я презираю лай;
Брани меня, ругай:
Все буду я Клеонъ — народъ мнѣ знаетъ цѣну.

Аристофанъ, *въ сторону.*

Да, дорогъ ты ему.

Клеонъ.

Но вывеспи на сцену

(*) Въ разговорѣ Клеоновомъ сохранены почти тѣ же простонародныя и напоминающія его ремесло изреченія, которыми наполнена роль его въ *Арист.* Всадникахъ.— Авторъ, не могши, какъ въ комедіяхъ, представляющихъ нашъ вѣкъ, обозначить одеждою свойства Греческихъ каррикатуръ, старался приноровить размѣръ стиховъ къ ихъ характерамъ и состояніямъ: льстецъ говоритъ напѣвнымъ хореемъ; судья выбивающимъ слова дактилемъ; трагикъ важничаетъ амфибрахіемъ; а Ипперболъ протягиваетъ рѣчь свою анапестомъ, и холоднаго Антимаха заставилъ почти всегда умничать Александрійскимъ стихомъ.

Такихъ людей, какъ вы, красу и честь Аѳинъ!...
Меня ругать ему велятъ Аристократы;
Ну, я народа другъ, я добрый гражданинъ:
Да вы-то чѣмъ же виноваты?
Такъ, зависть мерзская причиною всему.
Онъ Антимахову завидуетъ богатству,
Хавесову уму,
Въ рѣчахъ Евгалія умильному пріятству,
И Ѳеогнеевымъ трагическимъ стихамъ;
А Ипперболову... чему?... не знаю самъ.

Ипперболъ.

Какъ орелъ Промѳея терзая, терпѣнье мое истребляетъ
Многократно - позорно - схидною бранью пренаглый поэтъ;
Но отъ мести злодѣю ни въ морѣ, ни въ адѣ спасенія нѣтъ.

Хавесъ.

Нѣтъ!

Ѳеогней.

Ахъ, пусть онъ меня повсемѣстно ругаетъ:
Поэтъ не способенъ на личную месть;
Но родины славной священна мнѣ честь.
А кто въ Эвриидѣ и пылкость любови, (8)
И духъ философскій, и мягкость стиховъ,
Кощунствуя предалъ въ насмѣшку глупцовъ:
Того, какъ злодѣя, я требую крови,
Для славы Аѳинянъ, для чести боговъ.

Хавесъ.

Для чести боговъ!

Аристофанъ.

Да онъ разгорячился!

Клеонъ.

Вотъ жаръ трагическій; а что о немъ твердитъ Аристофанъ?

Аристофанъ.

Что всѣхъ трагедіей знобитъ (*).

Евгалій.

Я бы тѣмъ не огорчился,
Что меня клевещетъ онъ:
Я ничто; но все — Клеонъ.
Боги знаютъ, что любезнѣй
Вамъ граждане онъ всего;
Что отечеству полезнѣй
Волосъ бороды его
Всѣхъ комедій; пусть и мною
Онъ безстыдно всѣхъ смѣшилъ:
Я заплакалъ — и проспилъ.
Но, какъ преданный душою
Сынъ отечества, скажу,
Что предолжнымъ нахожу

(*) Аристофанъ говоритъ въ своей комедіи: *Лягушки*, отъ того сдѣлался большой холодъ во всей Греціи, что въ это время играли въ Аѳинахъ трагедію Ѳеогнея.

Въ жертву Пильскому герою
Общаго врага принесть.

ХАВЕСЪ.

Принесть.

АЛКИНОЯ.

Эта лесть.
Стоитъ наглости Клеона.

ХАВЕСЪ.

Онъ же безбожный презлыми стихами злословитъ судей;
Кто жъ ихъ злословитъ, злословитъ Ѳемиду, и въ силу закона
Мною найденнаго въ книгахъ Дракона (*),
Долженъ онъ пытки сто разъ претерпѣть (**);
Послѣжъ безбожнымъ въ примѣръ умереть.

АРИСТОФАНЪ.

Воинъ набожный судья.

АЛКИНОЯ.

Да судъ безчеловѣчный.

АНТИМАХЪ.

Хотя Аристофанъ мнѣ непріятель вѣчный,
Но пощадить его я умоляю васъ:
Пусть онъ не плачется на насъ;

(*) Драконовы слишкомъ жестокіе законы существовали въ Аѳинахъ до Солона, и даже Солонъ сохранилъ многіе изъ нихъ.

(**) Аристофанъ не однократно упоминаетъ о пыткахъ и не относительно къ рабамъ.

Ужь я просилъ о запрещеньи
Ругателя пародіи играть,
И соглашаюся, чтобы его имѣнье
Въ казну для бѣдныхъ взять,
А самаго изгнать.

Аристофанъ.

Опъ этаго умнѣй не будешь ты писать.

Ипперболъ.

Нѣтъ, изгнанье быть казнью должно однородпаго
намъ гражданина;
И достоинъ ли чести такой чужеземецъ, пришлецъ
изъ Эгина!

Ѳеогней.

Такъ насъ чужеземецъ, о боги! срамитъ.

Хавесъ.

Въ случаѣ этомъ Солонъ такъ гласитъ:
Каждый, чья мать чужеземка собой, иль по мужѣ,
Долженъ быть проданъ въ рабы, какъ пришлецъ(*).

Аристофанъ.

Ужь это смерти хуже.

Клеонъ.

Докажемъ послѣ мы кто былъ его отецъ;
Но должно намъ рѣшить сей часъ безъ замедленья:
Аѳинской славы вы не видитель паденья,
Коль буду игранъ я республикѣ въ позоръ.

(*) Точныя слова Солоновыхъ законовъ.

Евгалій и всѣ.

Спасемъ республику!

Антимахъ.

И вотъ мой уговоръ:

Теапръ за городомъ быть долженъ завтра полонъ,
Такъ до свѣта, друзья, велимъ своимъ друзьямъ,
Мѣста занявши по скамьямъ,
Въ народѣ разпустить: что всѣмъ гражданамъ солонъ
По проискамъ Спартанскимъ можетъ быть (*)
Аристофанъ своей аттическою солью;
Что нынче онъ смѣшитъ, а завтра будемъ выть;
Что смѣхъ его Аѳинамъ выйдетъ болью.
Когдажъ актеръ съ Клеоновымъ лицомъ
На сценѣ явится, на подлинникъ взглянище,
Онъ вспанетъ, вы вскочите,
Всѣ вдругъ кричать начнемъ,
Чтобъ крикъ нашъ заглушилъ стихи его. (9)

Всѣ.

Прекрасно!

Аристофанъ.

Ахъ, этотъ заговоръ комедію убьетъ!

Алкиноя.

Любовь ее спасетъ!

(*) Аристофановы непріятели, не смѣя нападать на его слишкомъ явное дарованіе, старались между прочими клеветами разпустить въ народѣ, что онъ подкупленъ Спартою. *Brumoys.*

Аристофанъ.

Но какъ?

Алкиноя.

Пойдемъ ко мнѣ.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, кромѣ Аристофана и Алкиноя.

Клеонъ.

Все хорошо и ясно.
Такъ, Антимахъ, сберемъ въ театръ своихъ друзей:
Я вспану, вы вскочите,
И всѣ за мной кричите:
Аристофанъ злодѣй!

Всѣ.

Аристофанъ злодѣй!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Ксантиппа и Херофонтъ.

Ксантиппа, *входя.*

Аристофанъ злодѣй!

Ѳеогней.

Намъ небо отвѣчаетъ!

Ксантиппа.

Не небо, это я, Сократова жена.

Антимахъ.

Ксантиппа!

Херофонтъ.

Такъ, она.

Ксантиппа.

А это Херофонтъ, нашъ другъ.

Антимахъ.

Кто васъ не знаетъ!

Ксантиппа.

А я не знаю васъ, да это не бѣда;
Вы люди честные, когда
Зовете наглаго насмѣшника злодѣемъ.

Хавесъ.

Извергомъ злобнымъ, Мегерой вскормленнымъ ругателемъ....

Евгалій.

Такъ.

Клеонъ.

И доказательства преясныя имѣемъ,
Что онъ съ своимъ умомъ и остротой...

Ксантиппа.

Дуракъ,
И лгунъ, и клеветникъ, и человѣкъ премерзской.

Хавесъ.

Я то же говорю.

Ксантиппа.

Отецъ его былъ плутъ,
Мать дура, дядя воръ; а онъ—безстыдникъ дерзской,
Кощунъ, — народный шутъ.

Ѳеогней.

Я то же говорю.

Ксантиппа.

Безъ чести и безъ правилъ.

Евгалій.

Я то же говорю.

Ксантиппа.

Чѣмъ онъ себя прославилъ?

Ругательствомъ порядочныхъ гражданъ.

Ипперболъ.

Я то же говорю.

Ксантиппа.

Да кто Аристофанъ?

И отъ чего онъ волю взялъ такую
Бранить умнѣй себя?

Антимахъ.

Я то же говорю.

Ксантиппа.

Да какъ развяжется со мной я посмотрю.
Онъ, говорятъ, навралъ комедію?

Клеонъ.

Презлую.

Евгалій.

И вывесть въ ней дерзнулъ Клеона самаго.

Ксантиппа.

А мнѣ что нужды до него?
Я вѣкъ мой бѣгала отъ этаго Клеона;
Въ немъ нѣтъ ни правды, ни закона,
Ни чести, ни души.

Херофонтъ.

Да знаешь ли?...

Ксантиппа.

Молчи. Вы то же говорите,
Не правда ли?

Всѣ, *кромѣ Клеона.*

Не правда.

Ксантиппа.

Какъ хотите;
А я свое твержу: кто можетъ, тотъ пиши
Противъ Клеоновъ, Иперболовъ,
Неправосудныхъ Тріоболовъ,
Бездушныхъ трагиковъ и комиковъ дурныхъ;
Пусть и философовъ иныхъ:
Но моего Сократа
Задѣлъ Аристофанъ; и только нашъ сосѣдъ
Мнѣ это намѣкнулъ, я кинула обѣдъ,
И съ нимъ вездѣ была: у Пникса (*), у Сената (**)
Кругомъ обѣгала Агору (***), Минраонъ,
Одеумъ (****), Храмъ Зевесовъ,
Часть Керамикскую (*****), упкнулась въ Дипилонъ (******),
Оттуда назадъ по улицѣ Эрмесовъ (10)

(*) Мѣсто засѣданія Судей. (**) Мѣсто засѣданія Ареопага. (***) Торговая площадь. (****) Театръ для музыки. (*****) Часть города, лежащая къ Керамикскому въѣзду. (******) Городскія ворота.

И черезъ улицу Треножниковъ (*) сюда.
Чтожъ? злоязычника нигдѣ не опыскала;
А ужь устала такъ, какъ въ жизни никогда
Еще не уставала.

ХЕРОФОНТЪ.

Уфъ!

КСАНТИППА.

За Сократа я готова хоть въ огонь.
Какъ смѣть его пронуть?

КЛЕОНЪ.

А прочихъ развѣ можно
И трогать и срамить.

КСАНТИППА.

Не только можно, должно
Срамить дурныхъ людей, да честнаго не тронь.

КЛЕОНЪ.

Такъ что же, твой Сократъ одинъ въ Аѳинахъ
честенъ?

КСАНТИППА.

Одинъ, иль не одинъ; однакожъ нѣтъ его,
Всѣ говорятъ, умнѣе ни кого;
Онъ даже въ Персіи ученостью извѣстенъ.

КЛЕОНЪ.

Пусть онъ учонъ

(*) Сія улица названа отъ Треножниковъ, стоящихъ по ней, на которыхъ во время торжествъ возжигали фиміамъ; она вела къ Вакхову храму.

И дома у себя Ораторъ,
Да званіемъ какимъ въ народѣ отличенъ?
Что онъ въ Республикѣ? Архонтъ? (*) Стратигъ? (**) Сенаторъ?
Иппархъ? (***) Филархъ? (****) или хоть Всадникъ? (*****)

Ксантиппа.

Онъ мой мужъ.

Клеонъ.

И только?

Ксантиппа.

Для меня и этаго довольно.

Херофонтъ.

Сократъ философовъ свѣтильникъ.

Ксантиппа.

И къ тому жъ
Онъ смирный человѣкъ; такъ мнѣ до сердца больно,
Когда браняпъ его.

Антимахъ.

За то ужь ты сама
Трудишься.

Ксантиппа.

Да, браню: и еслибъ не бранила,

(*) 9 Архонтовъ перемѣнялись ежегодно по жеребью, и составляли правительство Аѳинъ. (**) Военачальникъ. (***) Начальникъ конницы. (****) Филархи завѣдывали военною частью. (*****) Всадники составляли особое сословіе, къ которому принадлежали богатые благородные граждане.

Давно бы онъ его высокаго ума,
Вамъ скажетъ Херофонтъ, безъ маиніи ходила.

ХЕРОФОНТЪ.

Онъ занятъ мудростью.

КСАНТИППА.

Какъ слушаешь его,
Такъ первый онъ мудрецъ и спрячетъ свѣтъ въ коробку,
А поглядишь, не знаетъ и того,
Что соль кладутъ въ похлёбку.
Да что и говоритъ, съ его большимъ умомъ,
Безъ глупости моей, пошло бы все вверхъ дномъ.

ХЕРОФОНТЪ.

Но Философія....

КСАНТИППА.

Отъ Философскихъ бредней
Не ты одинъ теряешь умъ послѣдній;
И всякой Философъ, хошь будь осьмой мудрецъ,
Не мужъ своей женѣ и дѣтямъ не отецъ.

АНТИМАХЪ, *смѣясь Херофонту.*

Что жъ, отвѣчай!

КСАНТИППА.

Надъ кѣмъ изволишь забавляться?

АНТИМАХЪ.

Надъ Философіей.

КСАНТИППА.

На философкѣ я
Женила бы тебя,

Забылъ бы ты смѣяться!—
Ужь смерклося; а бѣдный мой Сократъ
Еще объ эту пору
Не ѣстъ и ждетъ меня; да самъ же виноватъ,
За чѣмъ онъ комиковъ задралъ съ собой на ссору?..
Аристофану я однакожъ не спущу;
Хоть въ морѣ спрячься онъ, и тамъ его сыщу.
Пойдемъ! *(Уходитъ съ Херофонтомъ).*

Антимахъ.

Каковъ языкъ?

Евгалій.

И слушать такъ ужасно!

Θеогней.

О, какъ она клевещетъ!..

Клеонъ.

Не она,
А эхо мужнино—жена.

Евгалій.

Такъ точно, все Сократъ.

Хавесъ.

Подъ судъ его!

Клеонъ.

Напрасно.
Нѣтъ, надобно Философовъ беречь.
Пусть ихъ ученикамъ твердятъ, что небо—печь;
Что мы въ немъ уголья; что землю, какъ жаркое,
Вертитъ какой-то вихрь (*); а мы, пока

(*) Изъ Аристоф. *Облака.*

Они съ премудростью летятъ за облака,
На площади обдѣласмъ земное (*).
Оставимъ ихъ, они оставятъ насъ,
И всякой пусть своимъ займется безъ помѣхи;
Да время объяснитъ, чьи выгоднѣй успѣхи.
(Увидя Фригика).
А, Фригикъ, что?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Фригикъ.

Фригикъ.

Раба я повстрѣчалъ сей часъ.
Онъ рабски мнѣ сказалъ: у Пильскаго героя
Не пыль въ услугахъ? — Я. — Такъ вотъ ему
отдай.
(Отдаетъ письмо).

Клеонъ.

Письмо! ужь вѣрно брань.

Фригикъ.

О! нѣтъ! смѣлѣй читай!

Клеонъ, *развертываетъ письмо.*

Клеону Алкиноя.

(Прочитавъ).

День Вакха встрѣтить я хочу ль въ ея дому?...
Бѣги!... постой!... Друзья! вы завтра съ свѣтомъ дневнымъ
Одинъ по одному

(*) Сія мысль, кажется, была нравственною цѣлью Аристофанова комедіи *Облака.*

Сбирайтесь за городъ, чтобы Богинямъ гнѣвнымъ
На жертву Всадниковъ принесть,
И слово сборное: Аристофанъ и месть.

Θеогней.

Клянемся Аѳиной и всѣми Богами,
Что мы въ посрамленье себя не дадимъ,
Что Всадниковъ дерзскихъ потопчемъ ногами,
И злому поэту за зло отомстимъ!

Всѣ, *уходя повторяютъ.*

За зло отомстимъ!

Клеонъ, *имъ въ слѣдъ.*

Да, завтра мы его отъ злыхъ стиховъ отвадимъ.
Напомнимъ мы ему Евполія, и сладимъ
Съ Акперами.... и ты бѣги.

Фригикъ.

Къ Акперамъ?

Клеонъ.

Нѣтъ,
А къ Алкиноѣ.... Ба! что тамъ за свѣтъ,
Вся улица полна народомъ.

Фригикъ.

Предъ Вакховъ храмъ бѣгутъ Вакханки хороводомъ,
Чтобъ въ честь ему плясать.

Клеонъ.

Пусть пляшутъ Вакху въ честь;
Но время веселѣй надѣюсь я провесть.

(Уходитъ).

ИНТЕРМЕДІЯ I. (11).

Вакханки, *вбѣгаютъ съ факелами повторяя:*

Еввое! Еввое!

Хоръ.

Гдѣ скрылся Вромій (*)? Еввій (**) гдѣ?
Въ лѣсяхъ и долинахъ
И горъ на вершинахъ
Мы ищемъ Еввія вездѣ.
Еввое! Еввое! (***).

* *
*

Се Вромія священный храмъ!
Стукъ тирсовъ и бубны,
Веселія шумны
Услыши, Вакхъ! явися намъ!
Еввое! Еввое!

* *
*

Явися, Еввій! за тобой,
Увѣнчанны плющемъ,
Въ веселіи пущемъ
На горы полетимъ стрѣлой!
Еввое! Еввое!

* *
*

Верховный Жрецъ, *отворяя двери храма.*

Кто смѣетъ средь ночи священной

(*) (**) Тоже, что и Вакхъ.

(***) Крикъ Вакханокъ: онѣ, повторяя сіи слова, бѣгали съ свѣточами по горамъ и призывали Вакха.

Рукой дерзновенной
Пресвѣтлаго храма въ помосшъ ударишь?

Корифея.

Мы Еввія ищемъ,
Ты насъ не отгонишь безъ Еввія прочь.

Жрецъ.

Нѣшъ Еввія съ нами; въ священную ночь
Онъ выбралъ жилищемъ
Колѣна и перси младыхъ Аонидъ (*).
Но кѣмъ воспаленный,
И ужасъ священный,
И огнь Эвменидъ,
Мнѣ грудь наполняешъ?
Чей гнѣвъ обладаешъ
Душею моей?

(Извлекая ножъ и сходя со ступеней).

Не вижу ль я съ вами
Минія дѣшей?...

Хоръ.

Клянемся, нѣшъ съ нами
Минія дѣшей.

Корифея.

Смягчи швой гнѣвъ, внемли молешвѣ!
Межъ насъ дѣшей Минія нѣшъ!
Мы всѣ причасшны очищенью,
Всѣ Еввію даемъ обѣшъ.

(*) Музъ. Сіи спихи взяшы изъ Вакхическихъ образцовъ. См. Les Fêtes de la Gr.

Хоръ.

Нашу дѣвственную младость
Играмъ Вакха посвятить,
И Ленейскихъ таинствъ святость
Въ чистомъ сердцѣ сохранить.

Вакханки.

Еввое! Еввое!

Жрецъ.

Еввое! громче повторяйте,
Звучнѣй въ тимпаны ударяйте,
Фригійской пѣсни пойте хоръ;
Васъ слышитъ Вакхъ съ Аркадскихъ горъ.

Хоръ, *во время танцовъ.*

Еввое! Еввое!
Огнемъ воспорга сердце пышетъ,
Играетъ радостію взоръ,
Трепещетъ грудь, веселъемъ дышетъ:
Насъ слышитъ Вакхъ съ Аркадскихъ горъ!

(Продолжается дивертисселентъ съ факелами).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ внутренность Греческаго дома, колоннада черезъ Театръ, за него на возвышеніи зала; при входѣ съ обѣихъ сторонъ статуи: Аѳины (Минервы), Поссидона (Нептуна), Ѳива (Апполона) и Эрмеса (Меркурія).

ЯВЛЕНІЕ I.

Алкиноя, Фригикъ и рабыни Алкиноя.

Алкиноя.

Я жду его чрезъ часъ: ты слышалъ мой отвѣтъ.

Фригикъ.

А златошвейную хламиду
И золотой вѣнецъ ужель не примешь?

Алкиноя.

Нѣтъ.

Фригикъ.

Такой отказъ Клеонъ почтетъ себѣ въ обиду;
А онъ не кто другой.

Алкиноя.

Быть можетъ; но и я

Не Казнодаръ и не Судья,
Такъ не приму даровъ.

Фригикъ.

Однакожъ отъ Парида (*)
Киприда приняла сама....

Алкиноя.

Я не Киприда,
Онъ не Паридъ; а ты мнѣ лестью наконецъ
Наскучилъ.

Фригикъ.

Знаешь ли, что золотой вѣнецъ
Клеону подаренъ отъ гражданъ Митилены (**),
Какъ даръ безцѣннѣйшій.

Алкиноя.

За то,
Что онъ приговорилъ ихъ къ казни.

Фригикъ.

За это не даритъ никто.

Алкиноя.

Да многіе дарятъ отъ страха.

(*) Паридъ, сынъ Пріама, Царя Троянскаго, отдалъ Венерѣ золотое яблоко, какъ прекраснѣйшей изъ богинь.

(**) Граждане Митилены и почти всего Лесбоса были приговорены, по наущенію Клеона, Аѳинскимъ народомъ къ поголовной смерти, а жены и дѣти ихъ къ рабству; но жестокость сія смягчена и только около 1000 главныхъ заговорщиковъ были казнены; за что Митиленцы подарили Клеону золотой вѣнецъ въ 10000 драхмъ. *Ѳукид. Аристоф.* и *Аѳинск. письма.*

Фригикъ.

Въ знакъ признани.

И такъ признани въ знакъ ты примешь?

Алкиноя.

Не приму.

Фригикъ.

Но Фивовы лучи, божусь, не столько ярки,
Какъ выпивка....

Алкиноя.

Иди.

Фригикъ, *отходя.*

Я право не пойму,
На что же ей Клеонъ, когда не на подарки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Алкиноя и рабыни.

алкиноя.

Нѣтъ, никогда съ Клеономъ въ грабежѣ
Участницей не буду.
Подарокъ свой считаетъ онъ за ссуду,
И напередъ увѣренъ въ плашежѣ.
Но подкупы со мной напрасно тратитъ,
И можетъ быть онъ въ первый разъ
Услышитъ отъ даровъ отказъ,
И мнѣ за праздникъ мой стыдомъ своимъ заплатитъ.
Весельемъ, плясками и хитростью своей,
Подруги милыя, избавьте

Поэта славнаго Клеоновыхъ сѣтей.
Но вотъ Аристофанъ, — вы съ нимъ меня оставьте.

ЯВЛЕНІЕ III.

Алкиноя и Аристофанъ.

Алкиноя.

Ну, что сказалъ Архонтъ?

Аристофанъ.

Что Всадниковъ дадутъ.

Алкиноя.

И въ храмъ безсмертія они тебя введутъ.
Но ты вздыхаешь....

Аристофанъ.

Я!

Алкиноя.

Да ты совсѣмъ разстроенъ.
Что сдѣлалось съ тобой?

Аристофанъ.

Какой безстрашный вождь, устроя войска въ бой,
Передъ сраженіемъ бывалъ спокоенъ?

Алкиноя.

И ты боишься?

Аристофанъ.

Признаюсь;
Но не Клеона я, а самъ себя боюсь.
Ахъ! самолюбія прельщенье
Легко насъ можетъ обмануть!

Я знаю, какъ тяжелъ, какъ скользокъ къ славѣ путь!
На немъ, что шагъ, то препятствіе!
Какъ трудно возбудить въ народѣ умный смѣхъ,
Какъ комикъ долженъ быть въ изображеньяхъ точенъ,
Разборчивъ, веселъ, живъ; и какъ его успѣхъ
Всегда сомнителенъ, — и рѣдко проченъ!

Алкипоя.

Но ты ужь превзошелъ Поэтовъ нашихъ всѣхъ,
Любимъ народомъ....

Аристофанъ.

(*) »Такъ, пока еще я молодъ,
»Пока въ моей крови
»Унылой старости еще не льется холодъ,
»Достойнымъ, можетъ быть, кажусь его любви.
»Но знаю, какъ народъ забывчивъ, своенравенъ....
»Ты вспомни, что бывалъ и Магнесъ (**) прежде славенъ,
»Народъ боготворить былъ Магнеса готовъ;
»Но ни смѣшеніе различныхъ голосовъ,
»Ни прелести его играпельницъ на люпіяхъ,
»Ни хитрости ролей искусныхъ въ плутняхъ,
»Ни разрисовка лицъ, ни наглая игра,

(*) Всѣ отмѣченные стихи переведены изъ 1-й Интермедіи Аристофановыхъ *Всадниковъ*.

(**) Поэтъ, одинъ изъ первыхъ, сочинявшихъ въ Аѳинахъ Комедію, начавшуюся въ Сициліи. См. *Brumoy*.

»Ни всѣ его Лидійцы (*),
»Когда прошла его пора,
»И старость и болѣзнь, душевныхъ силъ убійцы,
»Воображенія веселость унесли,
»Его отъ жалкаго забвенья не спасли.
»Неблагодарности народной
»Крапиній намъ еще примѣръ живой:
»Вся Греція о немъ наполнилась молвой,
»И какъ источникъ многоводной
»Взрываетъ пажити, несетъ и дубъ и кленъ,
»Такъ славою его народъ былъ увлеченъ.
»И въ молодости прежней
»Себѣ соперниковъ Крапиній не зналъ;
»Онъ посреди торжествъ, и плесковъ, и похвалъ,
»На прочность славы былъ надежнѣй,
»Чѣмъ самъ отецъ стиховъ Омиръ;
»И могъ ли думать онъ иначе?
»Кто былъ его успѣхами богачѣ?
»Какое торжество, какой веселый пиръ
»Пріятными казались,
»Гдѣ пѣснями его сердца не услаждались?
»Но что-жь теперь? Когда
»Въ немъ лѣта остроту обычно притупили,
»Я предпочтенъ ему, его ужъ разлюбили;
»И онъ отъ голода, и жажды, и стыда,

(*) Лидійцы были осмѣяны на Аѳинскомъ Театрѣ: ихъ выводили въ роляхъ дураковъ и буфоновъ.

»Какъ Канній (*) кончитъ вѣкъ въ вѣнцѣ своемъ по-
блекломъ,
»Хотя и заслужилъ давно,
»Чтобъ въ Пиѳансѣ пить народное вино.« (12)
Но что я говорю: съ Эсхиломъ и Софокломъ
Не такъ ли же поступлено?
Эсхилъ, Поэтовъ Царь, Зевеса въ сожалѣнье
Своимъ изгнаніемъ и горестью привелъ.
Съ Олимпа посланный орелъ
Души его мученье
Мгновенной смертію въ чужой землѣ пресѣкъ (**)
И честь Аѳинъ Софоклъ (***) кончая долгій вѣкъ,
Неблагодарность и обиду
Отъ родины своей и отъ своихъ дѣтей
Былъ долженъ перенесть; и что всего грустнѣй:
Разнѣженному Эврипиду
Скиптръ Трагиковъ его принудили отдать;
Такъ мнѣ чегожъ осталось ждать?

(*) Сей Канній по замѣчанію *Брюкл.* долженъ быть славный музыкантъ, заслуживший вѣнецъ на многихъ играхъ.

(**) Осталось преданіе, что Есхиллъ, Трагическій поэтъ, изгнанный изъ Аѳинъ, былъ убитъ въ Сициліи черепахою, которую бросилъ орелъ въ его безволосую голову, сочтя ее за камень. *Brumoy.*

(***) Софоклъ Трагическій поэтъ, въ преклонной старости былъ оклеветанъ дѣтьми своими въ сумасшествіи; но онъ прочелъ предъ Ареопагомъ трагедію свою Эдипъ въ Колонѣ и простилъ дѣтей. *Θукид. Brumoy.*

Алкиноя.

Безсмертія; оно твое, какъ ихъ награда.

Аристофанъ.

И ты мнѣ льстишь?

Алкиноя.

Кто? я?

Ахъ, нѣтъ; душа моя
Онъ лести далека; но признаюсь, я рада
Быть эхомъ о тебѣ всеобщей похвалы,
И слушала съ сердечнымъ восхищеньемъ,
Какъ возвратясь изъ Сузъ Спартанскіе послы
Разсказывали всѣмъ: что мудрымъ уваженьемъ
Великій Царь (*) почтилъ твои труды
И Гражданиномъ звалъ Отечеству полезнымъ (**).
Иль нынче, проходя Кипридины сады,
Я встрѣтилась съ любезнымъ
Сократовымъ ученикомъ....

Аристофанъ.

Съ Алкивіадомъ?

Алкиноя.

Нѣтъ, съ Платономъ; но поэтомъ

(*) Аѳиняне называли Персидскихъ Царей Великими Царями.

(**) Артаксеркъ сказалъ Спартанскимъ посламъ, что Аристофанъ самый полезный Аѳинамъ Гражданинъ. *Θρκιd.* и *Brumoy.*

Встрѣчаясь иногда не съ тѣмъ, кого мы ищемъ,
Я не нашла тебя, и встрѣтила его.

АРИСТОФАНЪ.

Алкивіада?

АЛКИНОЯ.

Да; чтожъ въ этомъ?

АРИСТОФАНЪ.

Ничего.
Но что сказалъ Платонъ?

АЛКИНОЯ.

„Что для себя жилищемъ
„Хариты выбрали Аристофана грудь.“ (*)

АРИСТОФАНЪ.

Онъ это говорилъ? Но скоро перемѣну
Ты въ немъ увидишь.

АЛКИНОЯ.

Какъ?

АРИСТОФАНЪ.

Я вывести на сцену
Философовъ хочу.

АЛКИНОЯ.

Ахъ, другъ мой! не забудь,
Что Философія не примирима въ злобѣ;
Покоя онъ ея тебѣ не будетъ въ гробѣ:
Учители ея вселятъ въ учениковъ,

(*) Точныя слова Платона. См. Предисловіе къ Аристоф. Комед. *Облака*, пер. И. М. Муравьева.

Она разпространится,
Въ потомствѣ вкоренится,
И клеветой вездѣ родитъ тебѣ враговъ. (13)

Аристофанъ.

Тѣмъ лучше; пусть потомство знаетъ
Мою къ Софистамъ неприязнь;
Ученье ихъ, меня быть можетъ, оправдаетъ. (14)
Ахъ! вся моя боязнь,
Что только будутъ знать меня, пока Аѳины
Цвѣтутъ; но, алчностью охолодя сердца,
Забывъ боговъ, они ужъ близки отъ кончины....
Такъ, мало мнѣ Ленейскаго вѣнца:
Хочу безсмертія, его душою жажду,
О немъ боговъ прошу:
Пусть отъ Философовъ и отъ Клеоновъ стражду,
Пусть нищаго суму въ чужой землѣ ношу,
Пусть голодомъ умру; но живъ останусь славой....
И комики другихъ народовъ и вѣковъ,
Почерпнутъ изъ моихъ стиховъ:
Искусство мудрое — полезнымъ быть забавой.

Алкиноя.

Ахъ! вѣрь любви моей, что твой безсмертенъ даръ.
Такъ! мало для тебя однихъ вѣнцовъ Ленейскихъ;
Души твоей небесный жаръ
Воспламенитъ умы въ странахъ Инерборейскихъ,
Какъ сердце ты мое воспламенилъ!

Аристофанъ.

Когда тебѣ я милъ,

Когда со мной мои восторги раздѣлишь,
То для любви твоей я все забыть готовъ,
И славу, и вѣнцы....

Алкиноя.

Какъ часто для стиховъ
Меня позабываешь.

Аристофанъ.

Я забываю? — нѣтъ,
Кто можетъ такъ любить!

Алкиноя.

Ты любишь, какъ Поэтъ,
Пока не занятъ сочиненьемъ;
А я, забытая тобою, съ восхищеньемъ,
Въ восторгѣ, внѣ себя, стихи твои твержу.

Аристофанъ.

Такъ чтожъ? я нахожу,
Что и меня ты любишь, какъ поэта,
Не правдаль?

Алкиноя.

Нѣтъ; но моего отвѣта
Не стоишь ты.

Аристофанъ.

Не стою? почему?
Твоей прелестной остротою,
Любезностью, душей и красотою
Мила ты сердцу моему.
А нравлюсь я тебѣ моимъ счастливымъ даромъ,

Такъ чѣмъ же дурнаго шутъ? — Ты знаешь, у людей
Ничто не дѣлается даромъ.

Алкиноя.

И онъ же правъ еще!

Аристофанъ.

Когда любви твоей
Я, чѣмъ бы ни было, собой или стихами
Достойнымъ быть успѣлъ,
Коль боги мнѣ даютъ безсмертіе въ удѣлъ,
То сдѣлай болѣе: сравняй меня съ богами —
Соединись со мной!

Алкиноя.

Но что любима я тобой,
Ты почноль самъ увѣренъ?

Аристофанъ.

Кто? я?

Алкиноя.

Да, ты; Поэтъ во всемъ чрезмѣренъ.
Предавшися мечтамъ,
Онъ любитъ, чувствуетъ однимъ воображеньемъ:
Восхитишь, увлечетъ; а тамъ
Убьетъ холоднымъ небреженьемъ!

Аристофанъ.

Убьетъ? какая мысль! убьетъ!... Но признаюсь,
Въ словахъ твоихъ есть что-то съ правдой схожс.
Я оскорбить тебя и мыслію боюсь:
Ты въ мірѣ мнѣ всего дороже;
А часто мы съ тобой проводимъ розно дни.

Алкиной.

Не дни, а мѣсяцы.

Аристофанъ.

Пусть такъ; но не вини
Любовь мою: она ни въ чемъ не виновата;
Она велитъ мнѣ жизнь у ногъ твоихъ провесть;
Да у меня, какъ у Сократа (*),
Къ несчастью свой домашній демонъ есть;
Его, большой учитель
Всему, чего не знаетъ самъ;
А мой мучитель,
Съ охотой смертною къ стихамъ,
До глупости людской ужасный неохотникъ;
Его все бѣситъ и смѣшитъ;
Чтобъ ни случилося, онъ мнѣ писать велитъ,
И я, какъ купленный работникъ,
Мучителя кляну,
Однако же начну.
Сперва раздразнитъ онъ мое воображенье,
Потомъ я самъ влюблюсь въ мое твореньс,
И самолюбія въ чаду
Успѣхомъ будущимъ заранѣ восхищаюсь:
Межъ тѣмъ, сто разъ къ тебѣ сбираюсь;

(*) Домашній демонъ, или Геній Сократовъ, никогда его не оставлялъ, какъ увѣряетъ Платонъ; кажется, что и къ намъ перешло понятіе о домовыхъ изъ Греціи.

И наконецъ пойду....
Но что жъ?—Въ дверяхъ вдругъ съ мыслью повстрѣчаюсь,
Вписать ее спѣшу,
Бросаюсь, тороплюсь, пишу,
Окончу, перечту; хочу кой-что поправить:
Поправки же всегда
Для Авторовъ бѣда:
Начнешь, и все прощай, не думай ихъ оставить,
Покуда, отъ труда,
А чаще отъ досады,
Не выбьешься изъ силъ, не выйдешь изъ себя.
Тогда хочу идти; но вспомня, что отрады
Въ наморщенномъ лицѣ не много для тебя,
Я оспаюсь, бѣшусь, бросаюся на ложе,
Клянусь не сочинять, что сдѣлалъ все деру,
А по утру
Опять примусь за то же.

Алкиноя.

Въ кого же ты, въ стихи или въ меня влюбленъ?

Аристофанъ.

Она жъ смѣется!

Алкиноя.

Да, ты, право, мнѣ смѣшонъ,
И долженъ согласиться,
Что часто комикъ самъ въ комедію годится.
Ахъ! еслибъ я, какъ ты, умѣла сочинять!

Аристофанъ.

То вывелабъ меня на сцену?

Алкиноя.

И съ успѣхомъ.

Аристофанъ.

Такъ чтожъ? — совѣтую начать:
Я помогу, и надъ собою смѣхомъ
Народъ развеселю; ужъ планъ мой сочиненъ.
На сценѣ самъ себя воображаю живо,
Какъ буду я смѣшонъ;
А чтобъ комедія окончилась счастливо,
Пускай веселая развязка въ брачный храмъ
Введетъ обоихъ насъ.

Алкиноя.

Прекрасно; только тамъ
Твоя веселая развязка
Врядъ сочинителю счастлива будетъ.

Аристофанъ.

Какъ?

Алкиноя.

Когда желаніямъ подрѣжетъ крылья бракъ,
Когда спадетъ Эрота съ глазъ повязка,
Тогда что скажешь ты?

Аристофанъ.

Все то же, что теперь.
Ахъ! Алкиноя, вѣрь
Что безъ тебя мнѣ нѣтъ блаженства въ мірѣ;
Когдажъ благословитъ союзъ нашъ брака Богъ,

Когда небесной Ирѣ (*)
Угодно будетъ намъ послать любви залогъ,
Тогда.... прости, я забываюсь,
Въ надеждѣ радостной, въ мечтахъ моихъ теряюсь!

Алкиноя.

Аристофанъ, оставь свои мечты,
Кто знаетъ.... можетъ быть....

Аристофанъ.

Чего жъ боишься ты?

Алкиноя.

Того, о чемъ безъ восхищенья
И думать не могу.

Аристофанъ.

Ахъ, объясни, чего?

Алкиноя.

Тебя и дара твоего.
Быть можетъ, завтра же съ тобою разлученье
Готовитъ мнѣ комедія твоя.

Аристофанъ.

Но если завтра я
Изъ битвы славной
Съ злодѣемъ общимъ и моимъ
При плескахъ выйду невредимъ,
Почтишь ли отъ небесъ то помощію явной?
И убѣдясь, что я хранимъ
Всесильными Богами,

(*) Юнона, богиня, покровительница дѣторожденія.

Ты согласишься-ль наконецъ
Зеленый мой вѣнецъ
Украсить брачными цвѣтами?

Алкиноя.

Аристофанъ!

Аристофанъ.

Молчишь и слезы на глазахъ.
Но отвѣчай?...

Алкиноя.

Еще ли ждешь отвѣта?
Читай его въ моихъ слезахъ.

Аристофанъ.

Ахъ! всѣ счастливцы свѣта,
Предметы зависти людской,
Гордиться счастіемъ не смѣйте предо мной!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Созія.

Аристофанъ, *увидя Созію.*

Ахъ! другъ мой, радуйся!

Созія.

Я радоваться радъ,
Хотя чему не знаю.

Аристофанъ.

Не знаешь? какъ ты глупъ!

Созія.

А! понимаю:
Свою комедію ты самъ берешь назадъ? —

И я по обѣщанью,
Эрмесу пѣтуха на жертву приношу.

Аристофанъ.

Да развѣ я на то комедіи пишу,
Чтобъ не играли ихъ, безумный?

Созіа.

Этой бранью
Ты, кажется, сказалъ, что Всадниковъ дадутъ?

Аристофанъ.

Какъ ты догадливъ!

Созіа.

Да; а какъ они пойдутъ?

Аристофанъ.

Ногами.

Созіа.

Такъ; да кто играть Клеона станетъ?

Аристофанъ.

Что за вопросъ?— ты знаешь, Каликратъ.

Созіа.

Нѣтъ, онъ реветъ, что ты не такъ богатъ
И что твоихъ доходовъ не достанетъ
Кормить его вдову, сиротъ, отца, сестеръ,
Племянницъ и....

Аристофанъ.

Вранье твое мнѣ надоѣло;
Безъ родословной ихъ, скажи скорѣй въ чемъ дѣло?

Созіа.

Ни онъ, ни Филонидъ, и ни одинъ акперъ,

Кому еще идетъ на умъ кой-что мірское,
Клеона представлять не могутъ.

Аристофанъ.

Отъ чего?

Созія.

Имъ данъ такой приказъ, съ примолвкой: что того,
Кто оклеонится, пошлютъ на дно морское
Играть комедіи для мокрыхъ Нереидъ.

Аристофанъ.

И трусы...

Созія.

Струсили: они не водолазы.

Аристофанъ.

Пусть всѣхъ другихъ страшатъ Клеоновы приказы.
Но Калистратъ и Филонидъ,
Которыхъ, вопреки ихъ мачихѣ природѣ,
Мои комедіи прославили въ народѣ (*),
Могли забыть, что ихъ не знали бъ безъ меня,
Что съ ними я дѣлилъ кусокъ послѣдній хлѣба?
Неблагодарные! и не боятся неба....

Созія.

За то воды боятся какъ огня.

Аристофанъ.

Такъ пусть съ Кратиніемъ себя безчестятъ страхомъ,

(*) Аристофанъ, не имѣя еще 30-ти лѣтъ, не могъ по законамъ Аѳинскимъ представлять сочиненныхъ имъ комедій, и потому отдавалъ первыя свои творенія на сцену подъ именами Калистрата и Филонида, которые, вѣроятно, играли въ нихъ первыя лица.

Пускай голодные срамятся съ Антимахомъ,
Ужъ я писать для нихъ не буду ни стиха.

Созія.

Не будешь? — Приношу Эрмесу пѣтуха!

Аристофанъ.

Но неужли?...

Алкиноя.

Ахъ! я не сомнѣваюсь болѣ,
Что ты безсмертными хранимъ,
Что этотъ страхъ послать угодно было имъ
Къ спасенью твоему; такъ покорись ихъ волѣ.

Аристофанъ.

Хвала Богамъ!
Они Клеоновы злодѣйства обращаютъ
Ему же въ пущій срамъ,
И завтра волю ихъ въ театрѣ всѣ познаютъ.

Созія.

Да кто жъ играть его осмѣлится?

Аристофанъ.

Я самъ (*).

Созія.

Ты самъ?

Алкиноя.

Какъ! ты?...

Аристофанъ.

Я самъ, и непремѣнно.

(*) Историческое.

Созія.

Эрмесъ! прощайся съ пѣтухомъ.

Алкиноя.

Аристофанъ, себя ты губишь совершенно.

Аристофанъ.

Нѣтъ, выслушай сперва, и обвиняй потомъ.
Пусть играна моя комедія не будетъ;
Но это послужить не можетъ ни къ чему:
Что я ее писалъ Клеонъ не позабудетъ,
И только робостью ему
Двойное торжество доставлю:
Отъ обличенія его избавлю,
Отъ мщеніяжъ себя ни мало не спасу.
Еще же можетъ онъ вездѣ разславить,
Что не акперы, я — не смѣлъ его представить.
Но я ему ударъ нежданный нанесу,
Когда явлюся самъ на сценѣ,
Актеровъ обличу въ измѣнѣ
И цѣлой Греціи на дѣлѣ докажу,
Что онъ передо мной, не я предъ нимъ дрожу.
И самымъ тѣмъ, чѣмъ онъ вредить мнѣ былъ намѣренъ,
Успѣхъ мой вѣренъ:
Всѣ люди за того, кто смѣлъ.

Созія.

Эрмесъ! пѣтухъ твой улетѣлъ!

Аристофанъ.

Ну, что ты скажешь?

Алкиноя.

Я молчу и удивляюсь.

Аристофанъ.

Чему?

Алкиноя.

Иль глупости моей, иль твоему уму,
Еще не рѣшено; но искренно признаюсь,
Что надо мной ты взялъ такую власть,
Что я твоей гордяся славой,
И страсти всѣ мои въ одну сливая страсть,
Хотя и женщина, а рада быть неправой,
Лишь толькобъ ты былъ правъ.
Все кончено: я предаюсь надеждѣ
И мой веселый нравъ
Тѣмъ радуетъ меня, чего боялась прежде.
Такъ, мнѣ Клеонъ теперь не страшенъ, а смѣшонъ.

Аристофанъ.

Твоей веселостью тобой одушевленъ,
Клеона завтра я съиграю презабавно.
А маска гдѣ?

Созіа.

Нигдѣ.

Аристофанъ.

Но я недавно
Самъ у Микона (*) былъ и видѣлъ....

(*) Миконъ и Полигнотъ были славные Скульпторы; нѣкоторыя мраморныя изображенія животныхъ, находящихся въ Ватиканѣ, приписываются рѣзцу Миконову

Созія.

Да, Миконъ
Съ Клеона маску снялъ и сдѣлалъ такъ похожу,
Что плюнуть хочется.

Аристофанъ.

Да что же?

Созія.

Но Клеонъ,
За честь народную свою считая рожу,
Пугнулъ его изъ подъ руки,
И маска славная изорвана въ куски.

Аристофанъ.

Но Полигнотъ хотѣлъ....

Созія.

Да разхотѣлъ.
И говоритъ, пусть маски
Съ Клеона лѣпитъ тотъ, кто быть не хочетъ цѣлъ,
И если къ Фидію онъ дѣлать смѣлъ привязки (*),
Чего же ждать ему?... И я пришелъ ни съ чѣмъ.

Аристофанъ.

И такъ успѣха я не раздѣлю ни съ кѣмъ:
Съ раскрашеннымъ лицемъ на сцену смѣло выду,
А трусость ихъ послужитъ мнѣ же въ честь.

(*) Клеонъ обвинялъ славнаго Фидія въ похищеніи части золота, даннаго ему для Минервина истукана; Фидій снялъ его съ статуи, и вѣсы доказали его невинность.

Алкиноя.

А чтобы дѣйствіе вѣрнѣе произвесть,
Достану я тебѣ Клеонову хламиду. (15)

Аристофанъ.

Достанешь?... Какъ?... А! ты Клеона ждешь,
И къ стапи, у него мнѣ поучиться нужно
Ревѣть.

Алкиноя.

Какъ! ты отсюда не уйдешь?

Аристофанъ.

Напротивъ, Вакховъ день впроемъ мы встрѣтимъ
дружно.

Созіа.

Опъ дружбы этой намъ уйти не худобъ.

Аристофанъ.

Трусъ!

Созіа.

Нѣтъ, я не струшу; а спрашусь
Твоей горячности: ты слишкомъ неуступчивъ,
Клеонъ съ природы влюбчивъ,
Ревнивъ и золъ, и такъ прощай вашъ планъ.

Алкиноя.

Аристофанъ!
Онъ право
Совѣтуетъ умно.

Созіа.

Хоть женщина, а судитъ очень здраво.

Алкиноя.

Я разочла, что здѣсь веселье и вино;
А можетъ быть мое.... что ты зовешь прельщеньемъ,
Клеона удержавъ роскошнымъ угощеньемъ,
Тебѣ безспорное доставитъ торжество.
Когдажъ тебя онъ встрѣтитъ,
Тотчасъ замѣтитъ,
Что за его и мы беремся мастерство.

Наксія, *вбѣгая.*

Клеонъ идетъ.

Созіа.

Клеонъ!... куда дѣваться!

(бѣжитъ въ дверь)

Алкиноя, *Аристофану.*

Уйди.

Аристофанъ.

Ахъ, нѣтъ!

Алкиноя.

Прошу, во зло не обращай
Ту власть, что надо мной имѣешь ты.... прощай.

Аристофанъ.

Что дѣлать, власть моя должна повиноваться.
Прощай!

Созіа.

Мы въ западнѣ, Клеонъ ужъ входитъ въ дверь.
Эрмесъ! укрой меня! *(прячется за Эрмесову статую).*

Алкиноя.

Что дѣлать намъ теперь?

Аристофанъ.

Играй комедію.

Алкиноя.

Согласна по неволѣ,

Хотя боюсь.

Аристофанъ.

А я въ моей увѣренъ ролѣ.

»О боги наглости, коварства, плутовства (*),

»Доносовъ, подкуповъ и лести,

»Вы всѣ Клеоновы и черни божества—

»Я съ вами въ бой готовъ.« Отъ васъ же, боги чести,

Поэтовъ и любви, я помощи прошу,

И Гипербола вамъ на жертву приношу.

Наксія.

Онъ входитъ.

Аристофанъ.

Очень радъ.

Алкиноя.

Идетъ; — я начинаю:

Оставь меня Аристофанъ.

(*) Изъ Аристофан. *Ком. Всадники.*

ЯВЛЕНІЕ V. (*)

Тѣ же и Клеонъ *въ хламидѣ и вѣнцѣ.*

Клеонъ, *входя останавливается и прячется за статую.*

Аристофанъ!

Аристофанъ.

Клеонъ къ тебѣ сего дня званъ?

Алкиноя.

Его я ожидаю.

Къ себѣ на праздникъ чашъ.

Аристофанъ.

И такъ тебѣ любезенъ

Раздутый грабежемъ тюргашъ?

Созія, *въ сторону.*

Пошелъ!

Алкиноя.

И да, и нѣтъ.

Клеонъ, *въ сторону.*

Какъ нѣтъ?

Алкиноя.

Но онъ полезенъ

Мнѣ можетъ быть.

Аристофанъ.

И признаешься въ томъ?

(*) Насмѣшки надъ Клеономъ, помѣщенныя въ семъ явленіи, почти всѣ принадлежатъ Аристофану. *Ком. Всадники.*

Алкиноя.

Признайся жъ самъ, что ты своимъ умомъ
Себѣ и многимъ вреденъ.

Аристофанъ.

То есть я бѣденъ,
А онъ богатъ народною казной.

Алкиноя.

Да въ ней я нужды не имѣю;
Но всею Аттикой владѣетъ онъ....

Аристофанъ.

Не всею;
А пользуется въ ней лишь глупостью одной.

Алкиноя.

Когда народъ смѣшишь ты глупостью чужой,
То почему жъ ему не пользоваться ею?

Клеонъ, *въ сторону.*

Умно!

Аристофанъ.

Такъ честь и стыдъ ты ставишь на равнѣ?

Алкиноя.

Безчестнобъ было мнѣ,
Какъ Салавакхѣ, съ нимъ дѣлить его хищенья,
Какъ Киннѣ гнусные доносы вымышлять,
Чтобы описывать честныхъ гражданъ имѣнья;
Но безъ стыда могу въ мой домъ его принять.
Изъ дѣтства видѣть я привыкла

Въ дому Аспазіи, обруганной тобой (*),
Имъ замѣненнаго Перикла;
Когда же Казнодаръ со мной
Себя хоть мало позабудетъ,
То тотчасъ выгнанъ будетъ.

Созія, *въ сторону.*

Знай нашихъ!

Клеонъ, *въ сторону.*

Это что?

Аристофанъ.

Но Греціи позоръ
Онъ прелести Аѳинъ достоинъ ли приема?

Алкиноя.

Позволь, Аристофанъ, мнѣ быть хозяйкой дома.
Окончимъ разговоръ,
Оставь меня.

Аристофанъ.

Иду. *(увидя Клеона).* А! вотъ твой гость!

Алкиноя.

Давно ли
Ты здѣсь?

Клеонъ.

Сей часъ вошелъ.

(*) Аристофанъ въ своихъ *Ахаріанахъ* обвиняетъ Перикла въ томъ, что онъ ожесточилъ Мегарянъ, и возжегъ чрезъ то Пелопонезскую войну по мщенію за оскорбленіе Аспазіи, которую также не щадитъ въ сей комедіи.

Аристофанъ.

Не вѣрь:
Клеонъ и Ипперболъ не входятъ тотчасъ въ дверь.

Алкиноя.

И Ипперболъ!

Клеонъ.

Оставь; я не снимаю воли
Съ шутовъ меня ругать со всѣми за одно:
Какъ Ипперболъ, Периклъ и я имъ все равно.

Аристофанъ.

Есть разность небольшая
Между Перикломъ и тобой:
Периклъ, надъ Греціей Аѳины возвышая,
Хотѣлъ ихъ видѣть подъ собой;
А ты Аѳины топчешь
Въ свою спихію — грязь.

Клеонъ.

Съ Аристократами твоя извѣстна связь,
И на меня ты ропщешь
За то, что я ихъ спѣси не терплю,
И что народъ, какъ самъ себя люблю.

Аристофанъ.

Не такъ: любовь къ себѣ тебя учетверила,
Къ немужъ любовь, его какъ спичку изсушила.

Клеонъ.

Нѣтъ, изсушилъ Периклъ, а я обогатилъ.

Аристофанъ.

А чѣмъ?

Клеонъ.

Побѣдою.

Аристофанъ.

Которую схватилъ
У Никія и Демосѳена,
Какъ волъ изъ подъ коней клочекъ хватаетъ сѣна (*).

Клеонъ.

Кто побѣдилъ, свидѣтель мой вѣнецъ.

Аристофанъ.

Свидѣтель этотъ лжецъ,
И подкупленъ Лесбосскими дарами.

Клеонъ.

Я доказалъ Лесбосцевъ головами,
Какъ смѣльчаковъ ревѣть по своему учу.

Аристофанъ.

Нельзя ли поучить меня?... и я хочу
Для нѣкоторой роли....

Алкиноя.

Себѣ ты хочешь стыдъ нанесть
И позабылъ гдѣ онъ....

Аристофанъ.

Прости; но мудрено ли

(*) Никій и Демосѳенъ, Полководцы Аѳинскіе: одинъ на морѣ, другой защищая Пильское укрѣпленіе одержали побѣду, заставили Спартанъ укрыться на островъ Сфактерію и довели ихъ до послѣдней крайности; но Клеонъ, поспѣшившій на смѣну Демосѳена, заключилъ договоръ сдачи, присвоилъ себѣ всю честь Пильской побѣды и получилъ вѣнецъ.

Съ нимъ Афродиты храмъ торговымъ рынкомъ
счесть.

КЛЕОНЪ, *Алкиноѣ.*

Ушли его, я пресну отъ досады!

АРИСТОФАНЪ.

Какъ преску твоему Аѳины будутъ рады!

КЛЕОНЪ.

Такъ знай же ты, что имъ, тебѣ и всѣмъ на зло
Я проживу сто лѣтъ.

СОЗІА.

Ай! ай!

АРИСТОФАНЪ.

Безбожный!
Да нѣтъ! ты сочинилъ оракулъ ложный,
И это за тобой всѣ знаютъ ремесло.

КЛЕОНЪ.

Такъ пусть же знаютъ всѣ, когда на то пошло,
Что послѣ Всадниковъ тебѣ не жить ни часа.
Оракулъ сей
Вѣрнѣй
Оракула Калхаса (*).
И если скажетъ самъ правдовѣщатель Ѳивъ,
Что завтра ввечеру еще ты будешь живъ,
То и его солгать заставлю.

АРИСТОФАНЪ.

Кто грозитъ,
Тотъ труситъ.

(*) Подражаніе Аристофану, который часто въ своихъ комедіяхъ пародировалъ трагическіе стихи Эврипида.

Клеонъ.

Кого? — Боится левъ, что песъ его укуситъ.

Аристофанъ.

Не левъ....

Алкиноя.

Аристофанъ! твой взоръ горитъ,
Войди въ себя, отдай Клеону справедливость;
Не оскорбляй Аѳинскую учтивость,
Иль изъ груди своей ты выгонишь Харитъ.
Чтобъ ихъ спокоить, выйдь.

Аристофанъ.

Спокойна будь, я выйду.

Созіа, *Алкиноѣ.*

И я....

Алкиноя.

Останься здѣсь, чтобъ взять его хламиду.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Фригикъ.

Созіа.

Ахъ! вотъ другой.... (*прячется*).

Клеонъ, *Фригику.*

Ну, что?

Фригикъ.

Лежатъ.

Клеонъ.

Кто?

ФРИГИКЪ.

Всадники; акперы наши....

КЛЕОНЪ, *отводя Фригика.*

Тише.

АРИСТОФАНЪ, *Алкиною.*

Такъ я же....

АЛКИНОЯ.

Виновать

Забывъ, какъ долженъ быть ты выше
Досады на него,
И выше для меня всего.

АРИСТОФАНЪ.

Ты этимъ словомъ
Веселость возвращаешь мнѣ.

АЛКИНОЯ.

Иди же, и къ своей женѣ
Въ вѣнцѣ явися новомъ.

КЛЕОНЪ, *Фригику.*

Попалъ въ клещи!
Бѣги, Крапинія сыщи,
Скажи, чтобъ былъ готовъ съ комедіей. (*Фригикъ уходитъ*). Ну, комикъ,
Посмотримъ, кто изъ насъ смѣшнѣй.

АЛКИНОЯ, *видя, что Клеонъ замѣчаетъ.*

Оставь меня.

АРИСТОФАНЪ.

Прощай.

КЛЕОНЪ.

Куда же ты? въ свой домикъ?
Да и безъ ужина!... Какъ жалко!...

АРИСТОФАНЪ.

Не жалѣй;
А пригоповься самъ за ужинъ твой къ заплатѣ.

КЛЕОНЪ.

Ужь я готовъ. (*Ахкиноѣ*) Онъ пойманъ.

АЛКИНОЯ.

Какъ?

КЛЕОНЪ, *даетъ знакъ Алкиноѣ, чтобъ молчала, и въ слѣдъ Аристофану.*

А! кстатѣ;
Скажи мнѣ, буду ли на сценѣ я похожъ?

АРИСТОФАНЪ.

Надѣюся.

КЛЕОНЪ.

Надѣйся,
Но только объ закладъ не бейся.

АРИСТОФАНЪ.

А это отъ чего?

КЛЕОНЪ.

Да отъ того жъ,
Что роль моя тяжеловата.

АРИСТОФАНЪ.

Нѣтъ, только лишь душна (*).

(*) Клеонъ былъ чрезвычайно тученъ.

КЛЕОНЪ.

Да, можешь удушить и придушишь она.

АРИСТОФАНЪ.

Тебя.

КЛЕОНЪ.

Иль Автора. А вѣрно Каллистрата
Въ меня ты произвелъ?

АРИСТОФАНЪ.

Для роли наглеца
Онъ созданъ, и тебя съиграетъ презабавно.

КЛЕОНЪ, *Алкиноя слушаясь.*

Съиграетъ... (*Аристофану*); А Миконъ, я чаю, славно
Снялъ маску съ моего лица?

АРИСТОФАНЪ.

Да, онъ прославился фигурами животныхъ.

КЛЕОНЪ.

Животныхъ?

АРИСТОФАНЪ.

Да.

КЛЕОНЪ.

Шутишь, я не сержусь никакъ,
И радъ, что ты нашелъ архонтовъ доброхотныхъ
И смѣлыхъ.

АРИСТОФАНЪ.

Радуйся.

КЛЕОНЪ.

И по чемужъ не такъ?
Ты шутъ, я весельчакъ,

Такъ можно намъ порадоваться дружно.

АРИСТОФАНЪ, *сліяясь.*

Увидитъ весельчакъ забавноль я шучу!

КЛЕОНЪ, *сліяясь.*

И видѣть мнѣ не нужно;
Все знаю, и всему заранѣ хохочу.

АРИСТОФАНЪ, *хохоча.*

Я также.

КЛЕОНЪ, *Алкиною.*

На него я не могу безъ смѣха
Взглянуть.

АЛКИНОЯ.

А что?

КЛЕОНЪ.

Ужь коршунъ въ западнѣ.

АЛКИНОЯ.

Мнѣ то же кажется.... что будетъ съ нимъ?

КЛЕОНЪ.

Потѣха!

(*Алкиноя слѣется*).
И ты?...

АЛКИНОЯ.

О завтрашнемъ и я смѣюся днѣ.

КЛЕОНЪ.

А завтра хохотать еще ты будешь больше.

АРИСТОФАНЪ.

За это я берусь.

АЛКИНОЯ.

И я; но только дольше

Не оставайся здѣсь.

Клеонъ.

Ну, умница, прощай.

Аристофанъ.

Прощай—неумница. (*Алкиноѣ*). До завтра!

Алкиноя.

До свиданья!

Клеонъ.

Успѣха пожелать дозволь себѣ?..

Аристофанъ.

Желай.

Клеонъ.

Да не обняпьсяль намъ?

Аристофанъ.

Прощай безъ обниманья.

(*Уходитъ*).

Созіа.

Оставилъ онъ меня въ тискахъ:
Смѣются всѣ; а мнѣ не до насмѣшекъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Созіа (*за статуей*), Алкиноя и Клеонъ.

Клеонъ.

Увидимъ мы, кто будетъ въ дуракахъ!

Алкиноя.

Увидимъ!

Клеонъ.

Онъ считалъ Клеонцевъ всѣхъ за пѣшекъ;

Но шутовству его мы дали шахъ-и-матъ (*).

Алкиноя.

Да чѣмъ же?

Клеонъ.

Всадниковъ какъ не бывало;
Не сѣвши на коней, ужь подъ коньми лежатъ.
Но этаго все мало:
Я не поэтъ, стиховъ узорныхъ не строчу,
А славному поэту отпишу,
И съ солью, и не сухо.

Алкиноя.

Но чѣмъ?

Клеонъ.

Бездѣлицей: морскимъ купаньемъ.

Алкиноя, *съ ужасомъ.*

Ахъ!

Созіа, *въ сторону.*

Мы тонемъ!...

Алкиноя.

Нѣтъ, тебя къ богамъ удержитъ страхъ,
И всѣ проклятія....

Клеонъ.

Войдутъ въ одно мнѣ ухо,
Въ другое выйдутъ вонъ.
Не бойся, выше всѣхъ проклятіевъ Клеонъ.

(*) Шахматы были извѣстны въ дальней древности, и выраженіе *шахъ-и-матъ*, принятое нами въ сей игрѣ, поставлено въ замѣнъ Греческаго, непонятнаго для насъ.

Хоть шутъ Аристофанъ передо мной ничтоженъ;
Да изъ любви къ тебѣ отмстить ему я должна,
За честь Аспазіи, Перикла и твою.

Алкиноя.

Ты мстишь за честь мою!...
Хотя объ этомъ я никакъ не догадалась,
Но все благодарю.

Клеонъ.

И стало быть не прочь
Опъ мести?...

Алкиноя.

Но за что?

Клеонъ.

Не ты ли воспиталась
Аспазіей, какъ дочь?

Алкиноя.

Такъ, я.

Клеонъ.

Не онъ ли же въ Ахаріанахъ спавилъ
Любви Перикловой къ Аспазіи въ вину
Пелопонезскую войну?
Безславящъ ихъ, онъ развѣ не безславилъ
Честь рода твоего?

Алкиноя.

Да ты-жъ поддерживалъ комедію его?

Клеонъ.

Кто? я?

Алкиноя.

Ты самъ;—но все перемѣнятъ время.

Клеонъ.

Ты права, не былъ я тогда знакомъ съ тобой.

Алкиноя.

О, нѣтъ еще: и тою же рукой,
Которою теперь правленья носишь бремя,
Ты нащивалъ тогда въ Агору своей товаръ.

Клеонъ.

Товаръ?

Алкиноя.

Потомъ ты доказалъ, какъ нуженъ
Къ спасенію Аѳинъ высокій умъ и даръ
И я, имъ въ честь, звала тебя на ужинъ.
И Вакхово избрала празднество
За тѣмъ, что это божество
Тебѣ любезнѣй всѣхъ.

Клеонъ.

Однакожъ кромѣ
Киприды: мнѣ она, какъ мой вѣнецъ, мила,
И праздновать ее въ твоемъ желаю домѣ.

Алкиноя.

Да я тебя звала
Не на Кипридинъ праздникъ.

Созія, *въ сторону*.

Обчелся казночетъ!

Клеонъ.

Вездѣ, гдѣ ты,
Тамъ день торжественный любви и красоты.

Созія, *въ сторону.*

Да онъ проказникъ,
Въ любезность кинулся.

Алкиноя.

Аспазія съ меня
Взяла обѣтъ: чтобъ дней Эрота и Киприды
До Именеева не праздновала дня.
И такъ меня поспигнутъ Эвмениды,
Какъ первый даръ любви внесу не въ брачный храмъ.

Клеонъ, *въ сторону.*

А! въ казнодарши мѣтитъ!
(*Ей*). Но насъ Эротъ, надѣюсь, прежде встрѣтитъ,
Чтобъ указать дорогу намъ.

Алкиноя.

Ахъ, нѣтъ, Эротъ крылатый
Невѣрный провожатый;
Умчится, залетитъ... и я боюсь его.

Клеонъ.

Со мной не бойся ничего.
Киприда и Эротъ, и люди всѣ, и боги
Къ богатству, къ счастію съ дороги
Долой
Тебя конечно не своротятъ.
Съ Клеономъ родъ людской
И страхъ и власть моя тягаться разъохотятъ.
А чтобы подслужить богамъ
Я воскурю вездѣ куренья дорогія,
Богатства раздарю жрецамъ,

Кумиры вылью золотые
И храмы всѣ раззолочу;
Я, словомъ, все могу, что захочу.

Алкиноя.

И даже, если намъ захочешь быть любезнымъ,
То можешь; но.... съ прудомъ.

Клеонъ.

А этаго труда
Мнѣ тягость объяснить ты удостоишь?

Алкиноя.

Да.
Узнай, что для любви богатствомъ безполезнымъ,
И почестей прикрасою чужой,
Ты насъ прельщать трудиться будешь даромъ,
И чтобы овладѣть чувствительной душой,
Совсѣмъ не нужно быть Воинскимъ Казнодаромъ.

Клеонъ.

Такъ чѣмъ же сдѣлаться прикажешь?

Алкиноя, *взглянувъ на него нѣжно.*

Будь собой.

Клеонъ, *въ сторону.*

Прелестна!

Алкиноя.

Власть свою и важность
Передъ народомъ выставляй,
Ораторовъ могуществомъ пугай,
Противъ Спартанъ оказывай отважность,

Ужасенъ будь въ моряхъ,
Кричи на площадяхъ,
Побѣдами, добычею и славой
Самодержавной черни льсти,
Глуши разсудокъ здравой,
Чтобъ за собой ее вести,
И тѣмъ Республики безглавой
Ты можешь быть главой;
Но женщиной съ возвышенной душой
И сердцемъ благороднымъ,
Не овладѣешь ты досужствомъ площаднымъ.

Клеонъ.

Досужствомъ?....

Алкиноя.

Точно, имъ!

Клеонъ.

Чѣмъ же ей позволишь быть угоднымъ?

Алкиноя.

Другими средствами: и самымъ тѣмъ умомъ,
Которымъ держишь ты Аѳины подъ ярмомъ.

Клеонъ, *въ сторону.*

Мила!

Алкиноя.

И въ насъ съ правленіемъ народнымъ
Немножко сходства есть:
Услужливость, усердіе и лесть,
И насъ по слабостямъ, всѣмъ людямъ сроднымъ,
Умѣютъ далеко завесть.

Но мы не терпимъ наглой лести,
Прислужливость рабовъ надоѣдаетъ намъ,
Хотимъ усердія, которое къ богамъ,
Къ Героямъ и Царямъ
Для ихъ и нашей чести
Благотвореніемъ влечется изъ сердецъ....
И самъ Зевесъ, когда онъ въ смертную влюблялся,
Съ божественнымъ величьемъ разставался;
А ты.... скажи мнѣ наконецъ,
За чѣмъ принесъ сюда хламиду и вѣнецъ,
Которыми пугаешь ты Эропа?
Повѣрь, когда ты въ важность наряженъ
И вывѣской могущества украшенъ,
То можешь быть рабамъ и Ипперболу страшенъ,
А, право, мнѣ смѣшонъ.

Клеонъ.

Смѣшонъ!... Я этаго никакъ не ждалъ.

Алкиноя.

Напрасно
Ты думалъ важностью своей мнѣ сдѣлать честь;
Но еслибъ захотѣлъ разсчесть,
Тогдабъ увидѣлъ ясно,
Что справедливости не отдалъ самъ себѣ.
А я безъ твоего чиновнаго наряда
Довольно нахожу въ тебѣ
Того, за что принять тебя сего дня рада.

Созія, *въ сторону.*

А! а!

Клеонъ.

Что жъ дѣлать мнѣ? — вели, и я готовъ!

Алкиноя.

Укрась себя зеленымъ плющемъ
И связью розовыхъ цвѣтовъ;
Я Фавна рѣзваго въ Клеонѣ всемогущемъ,
Какъ Нимфа, угощать хочу.

Созія, *въ сторону.*

Ну, раздѣвайся же!

Клеонъ, *снимая вѣнецъ.*

Къ ногамъ твоимъ мечу
Побѣдный даръ; а чтобъ намъ быть въ восторгѣ пущемъ,
Дай чашу цѣльнаго вина (*),
Кинь на меня свой взглядъ отрадной,
Я Вакхомъ буду: будь моею Аріадной,
И чашу радости осушимъ мы до дна.

Созія, *въ сторону.*

Нѣтъ, захлебнешься, жадной!

Алкиноя.

Готово Вакху празднество.
Пусть съ чашею въ рукахъ тебя Аврора встрѣтитъ;
А завтра Ѳивъ, надѣюсь я, освѣтитъ
Любви и брака торжество....

(*) Греки обыкновенно разводили вина свои теплою водою; у нихъ была пословица: хорошій питокъ пьетъ: не три и два; а два и одинъ: т. е. двѣ части вина и одну воды.

Клеонъ.

И я надѣюся..... (*въ сторону*). Она нетерпѣлива
Оказнодариться.

Алкиноя.

Что буду я счастлива,
Ручается мнѣ въ томъ твоя веселость.

Клеонъ.

Да.
Веселымъ такъ я не былъ и тогда,
Какъ Никія поддѣлъ Спартанскимъ станомъ.
Опъ радости съ тобой сего дня чуть дышу,
А завтра мнѣ Аристофанъ....

Алкиноя.

Прошу,
Не мучь меня Аристофаномъ.

Клеонъ.

А! видно и тебѣ онъ насолилъ?

Алкиноя.

Ахъ! мнѣ змѣею въ ухо свищетъ
И голосъ наглеца, который ищетъ
Погибели тому, кто мнѣ всѣхъ больше милъ....

Клеонъ.

Твои слова меня приводятъ въ восхищенье!
Но въ чувствіяхъ твоихъ
Хочу увѣриться.

Алкиноя.

Ты можешь въ нихъ
Увѣриться сей часъ.

Клеонъ.

Сей часъ!

Алкиноя, *ударяетъ въ ладони, занавѣсъ разтворяется, виденъ на возвышеніи богатый столъ и всѣ приготовленія къ празднику.*

Вотъ увѣренье!

Доволенъ ли ты имъ?

Созія, *въ сторону.*

Не этаго онъ ждалъ.

Алкиноя.

Служа тому, чей умъ боготворятъ въ Аѳинахъ
Кому полна вся Грецiя похвалъ,
Все лучшее въ плодахъ и винахъ,
Чтобъ угостить тебя,
Мое усердье отъискало.

Клеонъ.

Напрасно такъ себя
Твое усердье затрудняло;
Довольнѣй бы я былъ....

Алкиноя.

Такъ не доволенъ ты?

Клеонъ.

Но я.... доволенъ.

Алкиноя.

Очень рада.

Клеонъ, *въ сторону.*

Ну, кто бы устоялъ противъ такого взгляда!

Алкиноя.

Подруги милыя! пусть грозды и цвѣты
Замѣнятъ и вѣнецъ, добытый кровью,
И мантіи багровый цвѣтъ.
(Клеону). *Дѣвицы приближаются.*
Гдѣ дышетъ все весельемъ и любовью,
Тамъ почестей отличья нѣтъ.
Не правдаль?

Клеонъ.

Что за взглядъ!... я повинуюсь волѣ
Богини Кипра, и моей.

Созіа.

Рядите шута поскорѣй!

Хоръ Вакханокъ.

Виссонъ твой багровый,
Вѣнецъ твой лавровый,
Омытый въ крови,
Здѣсь вовсе напрасенъ:
Въ нихъ взоръ твой ужасенъ
Веселой любви.

* * *

Увѣнчанный плющемъ
Въ Клеонѣ могущемъ
Намъ Вакха яви!
Подъ связью цвѣтистой
Ты радостью чистой
Нашъ пиръ оживи!

* * *

Снимаютъ съ него мантію и кладутъ подлѣ Созіа на пьедесталъ; потомъ Алкиноя подаетъ ему руку и ведетъ его на эстраду.

Созія.

Нѣтъ, здѣсь я не оспанусь долѣ,
Пойду;—да вотъ бѣда....
Боюсь, какъ взглянетъ онъ сюда.

Алкиноя, *на эстрадѣ.*

Пустъ въ чашахъ золотыхъ, блистая свѣтлой пѣной,
Играетъ Вакховъ даръ;
И пустъ плѣняется Сиреной,
Какъ мудрый Одиссей, Аѳинскій Казнодаръ!

Наксія, *поетъ* (*).

Блаженъ, кто тайны божества
Умѣлъ постичь душею чистой,
Кто видѣлъ въ играхъ празднества
Вакханокъ при лунѣ сребристой.
Блаженъ, кто въ отдыхъ отъ труда
Съ друзьями въ радости взаимной
Изъ чаши пьетъ гостепріимной
Сокъ свѣтлый лознаго плода.

Хоръ.

Сюда! Вакханки молодыя!
Оставьте горъ верхи крутые!
Сюда! сюда! здѣсь Еввій вашъ
Веселье пьетъ изъ полныхъ чашъ!

* *
*

Какъ радостно летитъ мой взоръ
Во слѣдъ Вакханкамъ быстроногимъ!
Въ горахъ мелькаютъ, мчатся съ горъ
На смерть оленямъ лѣпорогимъ!

(*) Сіи строфы взяты изъ Эврипида.

Веселой пляской тончутъ долъ!
Тимпановъ звукъ, свирѣли внемлю!
Въ честь Вакху наполюнъ землю
Вино, млеко и нектаръ пчёлъ.

Хоръ.

Сюда Вакханки молодыя, и проч.

* * *

Созіа.

Нашъ Казнодаръ вино порядкомъ тянетъ.
(Наксіи).
Заставь меня.

Наксія.

Содвиньтесь. *(Всѣ сдвигаются).*

Созіа.

Такъ; а онъ
Не скоро съ мѣста встанетъ.
(Бѣжитъ въ лантіи и вѣнцѣ).
И я пойду народъ пугать.
(Встрѣчаетъ Фригика).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Алкиноя, Клеонъ (*на возвышеніи*), Наксія и рабыни (*впереди*), Созіа и Фригикъ.

Фригикъ, *принимая Созіа за Клеона.*

Клеонъ!

Созіа, *ударивъ Фригика, бѣжитъ.*

Прощай!

ФРИГИКЪ.

За что?... (*оглядываясь*). Да не ужли ихъ двое?... Клеонъ!

КЛЕОНЪ.

Кто тамъ?

ФРИГИКЪ.

Твой рабъ.

КЛЕОНЪ.

Ну, что такое?

ФРИГИКЪ.

Да я....

КЛЕОНЪ.

За чѣмъ пришелъ?

ФРИГИКЪ.

Чтобы сказать, что день Уже выводитъ Ѳивъ.

КЛЕОНЪ.

Когда ему не лѣнь, Пускай выводитъ.

ФРИГИКЪ.

Но....

КЛЕОНЪ.

Молчи!

ФРИГИКЪ.

Когда здѣсь дольше Пробудешь, то друзья....

КЛЕОНЪ.

Да, знаю я друзей: Всѣ подлецы.

ФРИГИКЪ.

Но ты.... иди скорѣй!

КЛЕОНЪ.

Ни слова больше!

АЛКИНОЯ.

Раба вы отведите въ садъ,
И тамъ, какъ должно, угостите.

КЛЕОНЪ.

Да, да, скорѣй его ведите.

НАКСІЯ.

Иди.

ФРИГИКЪ.

Я битъ, а онъ попалъ въ закладъ.
Да тутъ бѣда быть можетъ!
Но Антимахъ поможетъ,
И выручитъ его.

АЛКИНОЯ.

Начнитежъ праздникъ чашъ въ честь гостя моего.

ХОРЪ, *во время танцовъ.*

Игры, и пѣсни, и пляски, и радость
Вакху, Семеллѣ и добрымъ Богамъ
Лучше, чѣмъ страхомъ воздвигнутый храмъ.
Времія въ славу безпечная младость
Съ чашей златою, какъ серна, скачи!
Вихремъ взвивайся, въ тимпаны звучи!
Вакхова дара чудесная сладость,
Токомъ безпечнымъ забвенья рѣки
Въ сердце вливайся, по жиламъ теки (*)!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

(*) Дивертисементъ, оканчивающій второе дѣйствіе, соотвѣтствуетъ Хепасу или празднику чашъ втораго дня Анѳистеріи. См: Fêtes et Court. de la Grece.

ДѢЙСТВІЕ III.

Театръ представляетъ въѣздъ въ Аѳины; въ глубинѣ стѣна чрезъ сцену и ворота; впереди на лѣвой сторонѣ наружность дома Алкиноя занимаетъ три кулисы; далѣе сады; на правой сторонѣ въ третьей кулисѣ храмъ Иры (Юноны); далѣе храмъ Ѳезея.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эгина (*смотритъ въ ворота*), Алкиноя и Наксія *выходятъ изъ дома.*

Алкиноя.

Не видно ли кого опѣ Лимніи (*)?

Эгина.

Не видно.

Алкиноя.

Ты здѣсь давно?

(*) Лимнія, загородное мѣсто, на которомъ давались въ Ленейское празднество театральныя зрѣлища.

Эгина.

Ужъ часъ.

Алкиноя.

И не видала?

Эгина.

Нѣтъ.

Алкиноя.

Куда дѣвались всѣ?...

Наксія.

Граждане всѣ, чуть свѣтъ,
Пошли въ театръ (*).

Алкиноя.

Въ театръ? Какъ мнѣ завидно,
Они увидятъ.... Ахъ! имъ все равно,
Что онъ.... А Всадниковъ ужь начали?

Наксія.

Давно.

Алкиноя.

И можетъ быть.... нѣтъ силъ!... (*опирается объ руку Наксіи*). Тебя мнѣ даже стыдно,

---

(*) Театръ Аѳинскій, вмѣщавшій болѣе 30.000 зрителей, по своей обширности не могъ имѣть крышки, и потому спектакли давались при дневномъ свѣтѣ и почти всегда по утру; равно какъ и маски съ большимъ отверстіемъ рта и голосоводомъ, подобнымъ разтрубу волторны, приспособлены для того, чтобъ усилить звукъ голоса.

Что такъ душа моя слаба;
Но въ этотъ часъ его рѣшается судьба,
И всѣ опасности изчисли,
Которымъ.... Я дрожу....

НАКСІЯ.

Разсудокъ призови,

АЛКИНОЯ.

Разсудокъ, умъ, душа и мысли
Все съ нимъ.... Ахъ, Наксія! спрашись любви:
Она.... О чемъ же ты вздыхаешь?

НАКСІЯ.

Я вздыхаю?

АЛКИНОЯ.

Такъ за него и ты спрашишься?

НАКСІЯ.

Напропивъ:
Я жизнью отвѣчаю,
Что Всадникамъ поможетъ свѣтлый Ѳивъ;
При всходѣ нынѣ онъ таился
Въ туманныхъ облакахъ;
Но вдругъ надъ Лимніей открылся,
И заигралъ въ тмочисленныхъ лучахъ!

АЛКИНОЯ.

И я все утро глазъ съ востока не спускала,
И видѣла какъ солнца кругъ
И тусклъ и блѣденъ былъ сначала,
И я блѣднѣла съ нимъ: онъ прояснился вдругъ,
И вдругъ душа моя надеждой просіяла!

НАКСІЯ.

Такъ, Ѳивову предзнаменью повѣрь.
Любимца своего освѣтитъ онъ побѣду:
Клеонъ опять ужина едваль къ обѣду
Очнется; но и шутъ не выйдетъ въ эту дверь.
Намъ посчастливилось въ звѣриной ловлѣ:
Клеонъ и рабъ его въ силкахъ.

ФРИГИКЪ, *показывается въ отверстіе на крышкѣ дома.*

Анъ нѣтъ, на кровлѣ.
Но притаюсь.

АЛКИНОЯ, *Эгинѣ.*

Не видно никого?

ЭГИНА.

Не видно.

НАКСІЯ.

Но чегожъ боишься ты?

АЛКИНОЯ.

Чего?
Аристофанъ со всѣмъ порочнымъ въ ссорѣ,
Такъ на него Клеонъ одинъ ли золъ?...
Ахъ, нѣтъ!... въ ужасномъ заговорѣ
Евгалій, Антимахъ, Хавесъ и Ипперболъ,
И всѣ, кому глаза онъ правдою кололъ.
Играютъ Всадниковъ.... Аристофанъ на сценѣ....
Они въ театрѣ всѣ.... и ты вообрази,
Какъ тамъ шипятъ змѣи, винятъ его въ измѣнѣ,

Въ предательствѣ, съ Спартанцами въ связи,
И въ томъ.... Ахъ! клевету пучину кто измѣритъ?
И кто все можетъ перечесть,
Что выдумаетъ злость, чему безумство вѣритъ?
Аристофанъ, народа честь,
Аѳины страстно любитъ;
За славу ихъ готовъ пожертвовать собой....
И будетъ жертвою!... Такъ, онъ себя погубитъ!

Наксія.

Кто жъ можетъ?...

Алкипоя.

Ахъ! чего не можетъ клевета
Надъ чернью недовольной?
Души и дара высота
Для низости крамольной
Несноснѣй всѣхъ обидъ;
И Ѳемистоклъ и Аристидъ (16)
Своимъ величіемъ ничтожность испугали:
Неблагодарные съ безчестьемъ ихъ изгнали.
Пусть своеволію гражданъ
Они опасными казались;
Но чѣмъ, жестокіе! Аристофанъ
Опасенъ вамъ?... Не вы ли величались
Съ восторгомъ столько разъ
Предъ цѣлой Греціей его прелестнымъ даромъ?
Не вы ли съ изступленнымъ жаромъ
Плескали въ честь ему, когда онъ съ вашихъ глазъ
Снималъ повязку заблужденья,

И съ истины срывалъ покровъ?
Онъ любитъ васъ: и выль въ награду обличенья
Клеона и его льстецовъ,
Неблагодарные.... (*Наксіи*). Подай мнѣ руку,
Сними, возьми все это прочь.
Ахъ! все мнѣ тягостно.... въ притворствѣ я всю ночь
Должна была глотать тоску и скуку,
И чувствую теперь всю ожиданья муку.
(*Наксія снимаетъ съ нее покрывало и мантію*).

Фригикъ, *показывался на кровлѣ.*

Ей тяжело; Клеону жъ опъ того
Не легчѣ.... Ахъ, не льзя ли,
Пока въ театрѣ всѣ, мнѣ высадить его
Хоть въ этотъ дымный ходъ. (*Прячется*).

Наксія.

Твоей печали
Я, право, не могу постичь.

Алкиноя.

Чтобы понять жданья истому,
Ты всѣ возможныя боязни увеличь,
Вѣрь только одному дурному,
Воображай все то, что можетъ сдѣлать вредъ;
Чтобъ не накликать бѣдъ,
Не смѣй надеждѣ вѣрить,
И такъ люби, какъ я:
Тогда постигнешь ты, тяжкаль печаль моя,
И можешь грусть мою измѣрить.

Эгина.

Вонъ Ѳеогней идетъ съ поспѣшностію большой.

Алкиноя.

Отъ Лимніи?

Эгина.

Отъ Парѳенона (*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Ѳеогней *проходитъ черезъ сцену скоро, но видна въ немъ усталость.*

Алкиноя.

Какъ! не въ театрѣ онъ?... Ахъ, Ѳеогней, постой!

Ѳеогней.

Нѣтъ силъ! я измученъ!

Алкиноя.

Но чѣмъ же?

Ѳеогней.

Клеона

По цѣлымъ Аѳинамъ я тщетно искалъ.

Алкиноя.

Да гдѣ же онъ?

Ѳеогней.

Исчезъ и пропалъ!

Эгина.

Найдется.

(*) Храмъ, посвященный Минервѣ.

Ѳеогней.

Къ театру съ разсвѣтомъ
Собрался народъ;
Периклову плату ужь взяли за входъ (*),
Клеонажъ не видно: мы общимъ совѣтомъ
За нимъ Ипперболу велѣли бѣжать.
Садятся въ театръ: Клеонажъ не видно;
Евгалій пустился его отыскать;
Ужъ сѣли: мнѣ стало досадно и стыдно,
И быстро стрѣлой
Лечу за Клеономъ, и хохотъ вдругъ слышу несется за мной.

Алкиноя, *съ удовольствіемъ.*

Какъ! хохотъ?

Ѳеогней.

И хлопанье черни безумной,
Какъ я удалялся, гремѣло въ ушахъ.

Алкиноя.

Не ужли?

(*) Периклъ назначилъ плату по оболу каждому зрителю за входъ въ театръ, вѣроятно, чтобы разпространить пользу, приносимую драматическими представленіями. Аристотель замѣчаетъ, что при выходѣ изъ театра послѣ Есхиловой трагедіи, гораздо болѣе молодыхъ гражданъ записывались въ войски и флотъ, чѣмъ послѣ слушанія рѣчей, говоренныхъ за войну и отечество самимъ Демосѳеномъ, величайшимъ изъ ораторовъ.

ѲЕОГНЕЙ.

Не бойся, и нашъ Анпимахъ
Съ дружиною шумной
Все крикомъ задавитъ.... Но вотъ Ипперболъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Ипперболъ.

ѲЕОГНЕЙ.

Клеона не ужли и ты не нашелъ?

ИППЕРБОЛЪ.

И дыханья, и чувства, и силы, и жизни лишаюсь!

АЛКИНОЯ.

Но что случилося, ты можешь намъ сказать?

ИППЕРБОЛЪ.

Погоди: я съ душой и съ умомъ собираюсь.

АЛКИНОЯ.

Такъ долго будешь ждать.

ѲЕОГНЕЙ.

Говори!

ИППЕРБОЛЪ.

Не могу: я усталъ, какъ собака.

ѲЕОГНЕЙ.

Говори, или лай,
Но только скорѣй отвѣчай!

ИППЕРБОЛЪ.

Какъ искалъ по морямъ Телемакъ.... (*)

(*) Телемакъ, ожидая долго возвращенія отъ Трои отца своего Улисса, или Одиссея, Царя Итакскаго, искалъ его по морямъ Греческимъ. *См. Телемака Фенелона.*

Алкиноя.

Не льзя ль безъ Телемака?

Ипперболъ.

Какъ искалъ по морямъ Телемакъ, гдѣ богами сокрытъ Одиссей.

Θеогней.

Ну, Ипперболъ, скорѣй!

Ипперболъ.

Какъ искалъ по морямъ Телемакъ....

Алкиноя.

Гдѣ богами сокрытъ Одиссей.

Ипперболъ.

Одиссей.

Такъ Клеона ища три часа безполезно томлюся.
Сперва къ Казнодару являюся въ домъ,
И стучу, и кричу, и въ двери ломлюся,
Нѣтъ ни слуха, ни духа, все мертво кругомъ;
Безъотвѣтно-безмолвно-глухому молчанью дивлюся.
И спою въ изумленьи.... Вдругъ, собравшись съ умомъ,
Я бѣгу по домамъ Салавакхи и Кинны;
Но ни въ томъ,
Ни въ другомъ
Не нашедши Клеона, рѣшаюсь къ тебѣ пробѣжать всѣ Аѳины.

Алкиноя.

Ко мнѣ? — и даромъ? — очень жаль!

Ипперболъ.

Но куда жъ онъ дѣвался? Не боги ли шлютъ намъ Пріама печаль?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Евгалій.

Ѳеогней.

Ахъ! что-то Евгалій намъ скажетъ? (*Евгалію*).
Что видѣлъ? что знаешь? какъ ярость боговъ велика?

Евгалій.

Я чуть живъ; языкъ мнѣ вяжетъ
Жажда, слезы и тоска:
Съ Лимніи до Депилона,
Переулковъ всѣхъ въ глуши,
Три часа искавъ Клеона,
Я, клянусь вамъ, безъ души!...

Алкиноя.

Этому я очень вѣрю.

Ипперболъ.

Но нашолъ ли, и славы, и чести, и жизни Аѳинской потерю?

Евгалій.

Нѣтъ; а вы съискалиль?

Ѳеогней.

Нѣтъ!

Евгалій.

Солнце скрылось,—меркнетъ свѣтъ!

Алкиноя.

Я вижу, кажется, Хавеса....
Онъ изъ театра?

Евгалій.

Такъ.

Алкиноя, *въ сторону.*

Ахъ! что услышу я?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Хавесъ.

Ипперболъ.

Или милость, или казнь ты приносишь Клевретамъ,
премудрый судья?

Хавесъ.

Казнью Ѳемиды, гнѣвомъ Аѳины и громомъ Зевеса
Въ жизни и въ гробѣ да будетъ постигнутъ безбожный поэтъ
Также, какъ въ жизни и въ гробѣ отъ злаго пощады намъ нѣтъ!

Ѳеогней.

Какъ нѣтъ!

Алкиноя.

Такъ Всадники увѣнчаны успѣхомъ?

Хавесъ.

Дерзкихъ Никійцевъ (*) безсмысленнымъ смѣхомъ
Вдругъ оглушенный, я уши зашкнувши бѣжалъ отъ стыда,
Онъ же, пренаглый! явился безъ маски въ лицѣ Казнодара.

Ипперболъ.

Какъ?

(*) Друзья Никія.

ЕВГАЛІЙ.

Самъ Аристофанъ?

ѲЕОГНЕЙ.

Въ лицѣ Клеона?

ХАВЕСЪ.

Да!

ѲЕОГНЕЙ.

И даже безъ маски?

ХАВЕСЪ.

И даже безъ маски!

ИППЕРБОЛЪ.

Такого удара
И отъ столь неисчетно-добродаровитыхъ боговъ
я не ждалъ!

АЛКИНОЯ.

А какъ онъ принятъ былъ народомъ?

ХАВЕСЪ.

Гибель Аѳинамъ!... народъ хохоталъ.

АЛКИНОЯ, *взявъ за руку Наксію.*

Ахъ, Наксія! (*Хавесу*). Но драмы ходомъ
Довольнымъ быть народу мудрено.

ХАВЕСЪ.

Ахъ! предоволенъ безумный онъ всѣмъ, что смѣшно.

ѲЕОГНЕЙ.

Что слышу! въ позоръ Эвриниду вѣнчаютъ злодѣя
невѣжды!

АЛКИНОЯ.

А не ужли злодѣй увѣнчанъ?

Хавесъ.

Нѣтъ еще.

Ѳеогней.

Безвременно губитъ потеря надежды:
Боги за смѣлыхъ!... мы нынче вопще
Все утро Клеона искали,
Сберемся же съ силой, въ театръ полетимъ,
Съ друзьями воскликнемъ, и стыдъ Эврипида свер-
шить не дадимъ!

Всѣ.

Пойдемъ!

Алкиноя, *Наксіи.*

Еще бѣда! (*илиъ*). Постойте, вы устали,
И въ силахъ ли бѣжать и въ гору и пескомъ?

Ипперболъ.

Я какъ песъ прехгортанный измученъ и жажду.

Ѳеогней.

Хоть мукой Тантала я стражду,
Но буду въ театрѣ.

Евгалій.

Дойду хоть ползкомъ.

Хавесъ.

Пытокъ несносѣе жажда, усталость и горе.

Алкиноя.

Не откажитесь же опъ Ѳазскаго вина.

Ипперболъ.

Къ прохлажденью кипящей гортани лейте Эгейское
море,
И его мы осушимъ до дна!

Алкиноя.

Васъ моремъ прохладишь совсѣмъ моимъ желаньемъ,
Къ несчастью, мнѣ не льзя;
Но вы Клеоновы друзья,
Измучены его исканьемъ,
Такъ для него я вамъ велю вина принесть.
(*Даетъ знакъ Эгипъ*).
Для подкрѣпленья силъ и Казнодару въ честь,
Вы оживитесь имъ.... Какъ былобъ мнѣ приятно,
Когда бъ онъ самъ.... Но гдѣ жъ онъ дѣлся? — Непонятно.
Да точно ли вездѣ искали вы?

Всѣ.

Вездѣ.

Алкиноя.

И будто не нашли ни гдѣ?

Всѣ.

Ни гдѣ.

Хавесъ.

Никійцы злодѣйски Клеона убили.

Ѳеогней.

Иль бездны морскія бездушнаго скрыли.

Алкиноя.

Такъ, нѣтъ сомнѣнія, бездушный точно скрытъ.

Хавесъ.

Точно. Клеонъ иль утопленъ, иль въ землю зарытъ,
Дѣло преясно.

Всѣ.

Преясно.

Алкиноя.

Когда жъ Клеона нѣтъ,
То смѣю я подать вамъ дружескій совѣтъ.

Хавесъ.

Какой?

Θеогней.

На что же рѣшиться?

Алкиноя.

Вамъ должно, кажется, къ спасенію Аѳинъ,
Волненьемъ пользуясь, въ минуту согласиться,
Чтобъ Никію на зло сей часъ изъ васъ одинъ
Былъ выбранъ замѣнить Клеона.
(*Взглянувъ на Хавеса*).
Въ законодательствѣ все знаніе Солона,
(*На Θеогнея*).
Витійства жаръ Эдипова творца,
(*На Евгалія*).
Перикловъ умъ и вкрадчивость въ сердца
(*На Иппербола*).
И Θемистоклово терпѣнье (*)
Вамъ порознь щедрою природою дано;
Такъ вмѣстѣ слейте вы владѣя за одно,
И выборъ вашъ рѣшитъ республики спасенье.

(*) Θемистоклъ, находясь съ Аѳинскими войсками подъ главнымъ начальствомъ Спартанскаго Полководца, сильно оспоривалъ его мнѣніе. Разгорячённый Спартанецъ поднялъ свой жезлъ и Θемистоклъ думая не о себѣ, а о отечествѣ, сказалъ: бей, но выслушай.

Чѣмъ, напримѣръ, Хавесъ не Казнодаръ?
Не правдаль?

Евгалій.

Спаръ.

Алкиноя.

Такъ опытенъ. А ты Евгалій?

Хавесъ.

Молодъ.

Алкиноя.

И милъ. — А Ѳеогней?

Ипперболъ.

Горячъ.

Алкиноя.

Но холодъ
Воинскій жаръ тушитъ;
И даже Ипперболъ....

Ѳеогней.

Смѣшитъ.

Алкиноя.

Аоины любятъ смѣхъ.

Ипперболъ.

Гдѣ намъ!

Алкиноя.

А почему же?
Чѣмъ Левзиклея вы, или Эвкрата хуже? (*)

(*) Левзиклей, продавецъ холста, и Эвкратъ, торгашъ овчинами, предшествовали Клеону въ управленіи Аоин-

Одинъ ходилъ на торгъ подъ вьюкомъ полотна,
Другой прославился продажею руна,
Хотя не золотаго;
Но докричались же, на площадяхъ крича,
Что прежде одного, а послѣ и другаго
Народъ ихъ посажалъ Никійцамъ на плеча;
И даже самъ Клеонъ, погибшій Казнодаромъ,
Безъ вашей помощи сгибалсябъ подъ пьяромъ;
Такъ почему же вамъ не замѣнить его?
(*) »Смѣлѣй: кто нынче ничего,
Тотъ будетъ завтра все въ пресчастливыхъ Аѳинахъ.
Сквозь тучь летитъ орелъ,
А муха вязнетъ въ паутинахъ.
Скажите жъ, гдѣ Клеонъ орлиный взглядъ обрѣлъ.
Гдѣ крылья взялъ? Какъ смѣлъ летать за облаками
И низвергать Зевесовъ громъ?
Вы сдѣлали его орломъ,
Такъ мухами не будьте сами.

ѲЕОГНЕЙ.

Такъ, признаюсь, безъ васъ....

АЛКИНОЯ.

Онъ былъ ничемъ.

скою площадью. Послѣ знаменитаго Перикла, три торгаша одинъ за другимъ властвовали Республикою. *Ѳукид.*

(*) Изъ Аристофана.

Ипперболъ.

Чрезъ насъ....

Алкиноя.

Спалъ всемъ.

Хавесъ.

И нами....

Алкиноя.

Держался. Такъ, онъ вашимъ жилъ умомъ.
Евгалій, ты молчишь; но согласися въ томъ,
Что часто замѣнялъ языкъ его и ухо?

Евгалій.

Кто? я?

Ипперболъ.

Ну жъ признавайся, ты видишь, не спало его.

Евгалій.

Признаюсь, не безъ того;
Говорилъ Клеонъ пресухо,
Кой чего не понималъ:
Такъ языкъ его и ухо
Я смягчалъ
И просвѣщалъ.

Ѳеогней.

Онъ самъ признавался за Вакховой чашей,
Что не разъ бы на вѣрно пропалъ безъ меня.

Алкиноя.

И всѣ увѣрены, что онъ безъ дружбы вашей
Не уцѣлѣлъ бы дня.
Я плюсь на самаго Хавеса,

Что онъ ему помогъ
Не даромъ обвинить богатаго Лахеза (*).

Хавесъ.

Драхмы бъ одной безъ меня съ богача улучить онъ не могъ.

Алкиноя.

А родственникъ его и, кажется, не дальній,
Ты, Ипперболъ многострадальный,
Что брани за него и онъ него сносилъ
За то, что такъ его любилъ?

Ипперболъ.

По прабабкѣ дѣда ему причитаяся въ дяди,
Не презло-лже-приятно-потворно-навѣтной подлости ради,
Я терпѣлъ за Клеона всю адскую злобу пресущихъ обидъ,
Каковыхъ онъ Царя Одиссея едва ли терпѣлъ и Θерситъ (**).

Алкиноя.

И что же за терпѣнье?

(*) Лахезъ, Аѳинскій Полководецъ, обвиняемый въ лихоимствѣ и беззаконномъ пріобрѣтеніи несмѣтнаго богатства, былъ принужденъ раздѣлить его съ Клеономъ. *Аристт.*

(**) Одиссей, или Улиссъ, чтобы унять злорѣчіе безобразнаго Θерсита, такъ сильно ударилъ крамольника своимъ скипетромъ, что голова и хребетъ его въ минуту вспухли. *Омир. Иліад.*

Ипперболъ.

Ахъ! за чуждую брань онъ не родственно бранью свосй награждалъ.

Алкиноя.

Такъ онъ же долженъ былъ терпѣть и награжденье.
Но, Θеогней, тебѣ....

Θеогней.

Премного сулилъ, и премало давалъ.

Хавесъ.

Планы мы мало видали; но слышали множество лести.

Евгалій.

Казнодару же дружилъ
Я почти изъ чести.

Алкиноя, *Наксіи.*

А вотъ и жалобы! пора. (*Наксія уходитъ*). Такъ эта честь,
Посулы, брань и лесть,
Клеона возвышать давали вамъ охоту?
Вотъ безкорыстные друзья!
А думала и я,
Что вы ему дружили по разсчету;
Но извинительна вина моя.
Ахъ! кто бъ воображалъ въ Клеонѣ эту скупость!
Такъ вы, несчастные, страдали за него
Почти изъ ничего?
Бывало сдѣлаютъ неправду, или глупость,

Всѣ тотчасъ обвиняютъ васъ:
И вотъ въ Республикѣ у насъ,
Какъ правые въ винѣ, и въ правыхъ виноватой!

ѲЕОГНЕЙ.

Совѣту благому не внемлетъ гордецъ!

ХАВЕСЪ.

Дѣло представишь: онъ чашу осушитъ, и дѣлу конецъ!

ИППЕРБОЛЪ.

И вымолвишь больно, что за правду бывало мнѣ платой.

ЕВГАЛІЙ.

Онъ воинскую казну
Тратилъ на своихъ красавицъ:
Съ намижъ брань дѣлилъ одну.

ХАВЕСЪ.

Кровью Аѳинской онъ пучнилъ злыхъ піявицъ,
Мыжъ получали всемірный укоръ.

ѲЕОГНЕЙ.

Не мыль помогали въ Лесбосскомъ безбожнѣйшемъ дѣлѣ (*)?
Пришло до раздѣла: ему все богатство, а намъ весь позоръ.

АЛКИНОЯ.

Да, онъ безсовѣстно ограбилъ васъ въ раздѣлѣ.

(*) Прежде упомянутое осужденіе на поголовную казнь Митиленскихъ гражданъ.

ХАВЕСЪ.

Наше не будетъ грабителю въ прокъ:
Алчный погибъ и обола не снесъ онъ съ собою Харону (*).

ѲЕОГНЕЙ.

Грабитель!

ИППЕРБОЛЪ.

Безстыдный!

ЕВГАЛІЙ.

Бездушный!

АЛКИНОЯ.

Вонъ урокъ
Не одному Клеону!
(*Вносятъ вино и Наксія входитъ*).
Какъ ваши за него страданья и труды
Сухіе принесли плоды;
Такъ освѣжите ихъ.

ИППЕРБОЛЪ.

Освѣжимъ и смягчимъ наше горе.

ѲЕОГНЕЙ.

Счастливъ, кто пьетъ безъ боязни во славу казнящихъ боговъ.

ЕВГАЛІЙ.

Я за всякихъ пить готовъ.

(*) При похоронахъ древнихъ язычниковъ клали съ покойникомъ во гробѣ маленькую монету для платы Харону за перевозъ чрезъ Стикъ.

ХАВЕСЪ.

Съ Вакхомъ Ѳемида не въ ссорѣ.

АЛКИНОЯ.

Такъ пейте жъ. (*Наксіи*). Что Клеонъ?

НАКСІЯ.

Ахъ! онъ

Кричитъ, реветъ и злится,
И рабъ его просилъ, чтобъ вмѣстѣ ихъ свели,
Онъ можетъ быть поусмирится;
А то и здѣсь услышатъ.

АЛКИНОЯ.

Ну, вели. (*Наксія уходитъ*).
Клеону въ честь еще не выпьете ли дружно?

ѲЕОГНЕЙ.

За мертвыхъ пей мертвый, я пью за живыхъ.

ИППЕРБОЛЪ.

За Клеона до смерти пусть мѣ обопьются изъ чашъ золотыхъ,
Онъ кого въ Пріанеѣ поилъ безпаслужно.

ХАВЕСЪ.

Въ память ему на косперъ я и каплей не брызну.

ЕВГАЛІЙ.

Пусть ему свершаютъ тризну
Тѣ, которые въ войнѣ
Пали по его винѣ.

ѲЕОГНЕЙ.

Пускай онъ пируетъ съ богинями ада!

Первая чаша безсмертнымъ, вторая хозяину въ дань;
Ему же пусть златомъ кипящимъ зальется гортань!

Алкиноя, *въ сторону.*

За страсть къ прислужникамъ вотъ дѣльная награда!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Антимахъ.

Евгалій, *увидя Антилаха.*

Кто это?

Хавесъ.

Антимахъ!

Ипперболъ.

Ну, что?

Ѳеогней.

Какая вѣсть?

Антимахъ.

Увы!

Ипперболъ.

Мы ужь знаемъ, онъ умеръ.

Антимахъ.

Ахъ! ожилъ.

Ѳеогней.

Онъ ожилъ?

Хавесъ.

Онъ ожилъ?

Ипперболъ.

Ахъ!

Евгалій.

Пью Клеону въ честь!

(Всѣ поднимаютъ чаши).

Алкиноя.

Постойте, можетъ быть, онъ даромъ васъ встре-
вожилъ.

(Антимаху).

Кто ожилъ, и о комъ ты говоришь?

Антимахъ.

О комъ?

Взгляните на меня, и спрашивать не надо;
Злодѣй былъ при смерти, и ожилъ.

Алкиноя.

Чтожъ потомъ?

Антимахъ.

Безумное народа стадо
Емужъ плететъ вѣнецъ, въ позоръ и мнѣ и вамъ.
Но признаюсь, Клеонъ достоинъ этой казни.
За чѣмъ онъ не былъ самъ,
И гдѣ же онъ?

Евгалій.

Пропалъ!

Антимахъ.

Нѣтъ, отъ боязни
Онъ спрятался, какъ самый робкій трусъ....
Да онъ не здѣсь ли?

Ѳеогней, *улыбаясь.*

Нѣтъ.

Антимахъ.

Повѣрь, я не страшусь
Сказазать ему въ глаза: что нашихъ душъ приязни,
Любви, усердія не вѣдалъ онъ цѣны.
Когдабъ онъ самъ въ театрѣ показался,
То былибъ отъ стыда Аѳины спасены.
Уславши васъ, его я въ страхѣ дожидался;
Ужь начали: и вдругъ предсталъ Аристофанъ.
Смутились наши всѣ: онъ не былъ ими жданъ;
Глупцы же въ радости! пропала вся надежда!
Что дѣлать? я съ сердцовъ краснѣлъ, блѣднѣлъ,
дрожалъ;
Рѣшаюся, встаю, кричу.... но тутъ невѣжда,
Который былъ за мной, вдругъ такъ мнѣ ротъ за-
жалъ,
Что отравилъ грязной ладонью воздухъ свѣжій;
Другою же рукой такъ списнулъ мнѣ плечо,
Что и теперь оно, какъ уголь, горячо.
Я успоять хочу, но лапою медвѣжей
Онъ дернулъ; я упалъ,
И такъ, что отъ скамьи раздался даже грохотъ.
Съ театра тутъ меня Аристофанъ узналъ,
Взглянулъ прежалобно!... Услыша общій хохотъ,
Я отъ стыда не зналъ куда дѣвать глаза,
И навернулася тогда на нихъ слеза,
Когда увидѣлъ самъ, что наши даже съ смѣхомъ
Глядѣли на меня, какъ я уйти спѣшилъ.

*

Алкиноя.

Такъ ты же увѣнчалъ комедію успѣхомъ.

Антимахъ.

Какъ, я?

Алкиноя.

Да; ты глупцовъ и умныхъ насмѣшилъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Созіа.

Созіа.

Побѣда! побѣда!
Аристофанъ.... *(Увидя прочихъ).* Ай, ай!
Какая здѣсь бесѣда.

Алкиноя.

Ахъ! продолжай.

Созіа.

Да это предурные люди!

Алкиноя.

Гдѣ жъ онъ?

Созіа.

Придетъ: въ вѣнцѣ и скоро....

Алкиноя.

Не шепчи,
И не щадя усердной груди,
И злымъ, и добрымъ вслухъ кричи:
Аристофанъ, Аѳинамъ къ чести,
Ленейскій заслужилъ вѣнецъ;
Порочныхъ не страшася мести,
Пороки въ глубинѣ сердецъ

Аристофанъ казнилъ позоромъ:
И не постыднымъ заговоромъ,
Не прихотью друзей;
Но дара силою одною
Онъ славится, и Алкиною
Безсмертитъ славою своей!

ХАВЕСЪ.

Какъ! ты....

АЛКИНОЯ.

Такъ, я! скрывать не стану:
Клеона, васъ, себя.... и все, что въ мірѣ есть,
Безсмертному Аристофану
Еще готова въ жертву несть.
Ахъ! спала съ сердца тягость:
Притворство не тѣснитъ мой духъ,
И вслухъ
За ихъ святую благость
Могу благодарить боговъ!

ХАВЕСЪ.

Дѣло и слово! открытъ пребезбожнѣйшій ковъ!

ИППЕРБОЛЪ.

Ты хотѣла, о злая Киркея!
Чародѣйною силой твоей,
Какъ спутниковъ бѣдныхъ Царя Одиссея,
Такъ увидѣть и насъ превращенныхъ (*)....

(*Вдругъ останавливается*).

(*) Киркея превратила Улиссовыхъ спутниковъ въ свиней *Овид. Превр.*

Созія.

Въ людей.

Антимахъ.

Да не могла.

Θеогней.

А можетъ и прелесть и младость
Душевныхъ порывовъ тайницею быть.

Алкиноя.

Ахъ! радость
Возможно ли скрыть!
Сердца коснется и быстро по жиламъ
Промчится огнемъ,
Вспыхнетъ румянцемъ, проглянетъ лучемъ,
И тайна открыта!... Нѣтъ! смертнаго силамъ
Надъ радостью воли судьбой не дано!

Антимахъ.

И кормчій усмирить не можетъ въ морѣ волны,
Да въ пристань прячется, чтобъ не нырнуть на дно.

Алкиноя.

Пусть радостью моей Аѳины будутъ полны;
Пусть мчится вслухъ она и другу и врагу,
Пусть встрѣчею летитъ къ Аристофану:
Таить ее не стану,
И не хочу, — и не могу!...
Пусть Греки, варвары и все, что жизнью дышетъ,
Ея восторги слышитъ;
Хочу, чтобы она повсюду разлилась,
Вездѣ распространилась,

Росою воспарилась,
И къ свѣтлому Олимпу вознеслась!...
Тамъ вѣнцедатель Ѳивъ и боги любятъ насъ!...
Ахъ!... счастью моему вы будьте также рады,
Оставьте ссоры, брань
И личныя досады:
Веселіемъ платите дань
Счастливымъ вдохновеньямъ Ѳива;
За шутку отомщать не думайте бѣдой,
Не ослѣпляйтеся враждой:
Она всегда несправедлива;
Любите всѣ супруга моего.
Я имъ превыше мѣръ счастлива!
Ахъ! ненавидѣть онъ не можетъ никого:
И еслибъ знали вы, какъ онъ любить умѣетъ!....

ѲЕОГНЕЙ.

Какъ женской душою Киприда владѣетъ!
Она въ изступленьи, и слезы сверкаютъ въ глазахъ.

АЛКИНОЯ.

Изъ сердца ихъ брызжетъ небесная радость!
Такъ, Ѳеогней, въ моихъ слезахъ
Я нахожу такую сладость,
Какой и въ небесахъ
Безсмертные всечасно не вкушаютъ,
И жителямъ земли такъ рѣдко удѣляютъ!...

ИППЕРБОЛЪ.

Какъ Клеонъ удѣлялъ отъ избытковъ для насъ.

Алкиноя, *Наксіи.*

Клеономъ онъ смутилъ блаженный этотъ часъ!
Но что Аристофанъ такъ медлитъ?

Созіа.

Онъ народомъ
Удержанъ, можетъ быть; а я, когда Хорегъ
Спросилъ вѣнецъ, къ тебѣ пустился въ бѣгъ.
Но въ слѣдъ за мной съ Ленейскимъ ходомъ
Аристофанъ и самъ
Придетъ сюда.

Алкиноя, *взглянувъ на прочихъ.*

Войдемъ скорѣе въ храмъ
Благодарить боговъ. (*Входитъ въ храмъ; Созіа хочетъ ее провожать, но она даетъ знакъ, чтобъ онъ дожидался Аристофана*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже, кромѣ Алкиноя и Наксіи.

Антимахъ.

Что сдѣлалось съ Клеономъ?

Ипперболъ.

Или пьетъ онъ съ Танталомъ, иль дружно колеса
вертитъ съ Иксіономъ (*).

Антимахъ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ онъ погибъ?

(*) Танталъ былъ осужденъ адскими судьями безпрестанно пить не утоляя жажды; а Иксіонъ вѣчно вертѣть колеса.

ХАВЕСЪ.

Скрылся онъ въ бездны, иль алчнаго громомъ сынъ
Кроновъ (*) пришибъ.

АНТИМАХЪ.

Онъ скрылся; но за чтожъ къ нему такая злоба?

ХАВЕСЪ.

Малоль для хищнаго въ потѣ лица мы трудилися оба?
Рѣдколь грабитель насъ братьями звалъ?
Много лижь жадный онъ братьямъ давалъ?

СОЗІА.

Вотъ что! съ Граммашики онъ сбился,
И звашельный падежъ шакъ съ дашельнымъ смѣшалъ,
Что сей творишельнымъ винишельнаго сшалъ.

АНТИМАХЪ.

Пошелъ съ Граммашикой, наглецъ!

СОЗІА.

Да я учился
И Машемашикѣ; и вотъ вамъ мой разсчетъ:
Покудова какой нибудь Клеонъ живетъ,
То умножишельной шаблицы
Къ сравненью съ нимъ не достаетъ;
Когда же пропадетъ:
То вычишай его скорѣй изъ единицы.

АНТИМАХЪ.

Да пропадать ему пришла жъ сего дня страсть;
И завшра бы успѣлъ пропасть;

(*) Юпитеръ, сынъ Сатурновъ, или Кроновъ.

А нынче въ первый разъ онъ былъ Аѳинамъ нуженъ.
Вѣдь есть же тьма людей: на зло — они какъ пупъ;
А на добро — въ минуту пропадутъ.
Чтобъ объѣдать меня онъ былъ со мною друженъ,
А нынче....

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Аристофанъ (*входитъ скоро въ Клеоновой одеждѣ*).

Евгалій.
Ахъ!... Клеонъ!...
Ѳеогней.
Клеонъ!...
Ипперболъ.
Онъ живъ!
Хавесъ.
Ты живъ!
Всѣ вмѣстѣ говорятъ и идутъ къ Аристофану.

Антимахъ.
Ошиблись.
Ѳеогней.
Ахъ! какъ я счастливъ!
Ипперболъ.
Какъ блаженъ!
Евгалій.
Какъ я радъ!
Аристофанъ.
Какъ я вамъ благодаренъ!
Всѣ протягиваютъ къ Аристофану руки.

Всѣ.

Аристофанъ!... (*Всѣ отскакиваютъ отъ него*).

Созіа.

Всѣ прочь, чтобы бородъ не сжечь.
(*Глядя на Хавеса*).
Ба! этотъ ужъ изжаренъ.
Но побѣгу во храмъ.

Аристофанъ.

Чтожъ? продолжайте рѣчь.
Өсогней! съэврипидь стихословье, чтобъ съ скукой глубоко
Мнѣ врѣзалась въ память оно.
Возгласи, что умѣешь и ты »о! премного-пріятно-красно
Велелѣпно-пространно-протяжно-обширно-высоко
Длиннорѣчивый мужъ Иперболъ» (*)!
Даромъ хоть разъ приговоромъ упѣшь, о Хавесъ Тріоболъ!
Хоть для мантіи багровой,
Похвалой, для всѣхъ готовой
Мнѣ, Евгалій, подслужись.
Ну, Антимахъ! и ты въ ораторство пустись.
Мнѣ право жаль, что ты въ театрѣ очень больно
Ушибся за меня.

(*) Сіи стихи сдѣланы въ подражаніе Аристофану, которой, осмѣивая страсть нѣкоторыхъ поэтовъ къ многосложнымъ словамъ, составилъ изъ нѣсколькихъ нарѣчій и одного существительнаго имени, столь же протяжное слово.

Антимахъ.

Аристофанъ! довольно
Ты нынче всѣхъ язвилъ, такъ хоть теперь уймись.

Аристофанъ.

Довольно; такъ, на сценѣ
Я долженъ, какъ Аѳлетъ въ Аренѣ,
Бороться съ наглостью, злодѣйствомъ, грабежемъ;
Но поприща за рубежемъ
Неравный бой безчестіе наноситъ:
И такъ за колкости у васъ
Аристофанъ прощенья проситъ.
Да будетъ миръ и радость между насъ!
Клянусь безсмертными богами,
Что зла я никому на свѣтѣ не хочу;
Клеона жъ...

Ипперболъ.

Онъ погибъ.

Аристофанъ.

И я молчу;
Но онъ....

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Алкиноя, Наксія (*выходятъ изъ храма*).

Алкиноя.

Аристофанъ! ты наконецъ со мною!...

Аристофанъ.

Комедію мою я кончить лишь успѣлъ,
Какъ прямо бросился къ тебѣ.

Алкиноя.

Ахъ, ты хотѣлъ
Обрадовать скорѣе Алкиною!

Аристофанъ.

И правду доказать моихъ вчерашнихъ словъ:
Что для любви твоей я все забыть готовъ,
И славу и вѣнцы.

Алкиноя.

Какъ я была готова
Всѣмъ жертвовать, чтобы тебя спасти.

Аристофанъ.

Нѣтъ восхищенія, нѣтъ чувствія такого,
Чтобъ душу такъ могло къ безсмертью вознести,
Какъ благодарность къ тѣмъ, мы за кого бы сами
Хотѣли радостно пролить изъ сердца кровь;
Зарей безсмертія къ намъ посланы богами
И благодарность и любовь!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Ксантиппа и Херофонтъ.

Ксантиппа, *входя говоритъ Херофонту.*

Аѳины,
Повѣрь же, не въ примѣръ
Безумнѣе Абдеръ (*)

(*) Жители Абдеръ, или Авдеръ, Беотическаго города, считались самыми малоумными межь Грековъ. Виландъ

Шумятъ, кричатъ, бранятъ безъ толка, безъ причины;

Архонты и жрецы
Филархи и Димархи,
Иппархи и Трирархи,
Глупцы
И мудрецы
И словомъ всѣ отъ мала до велика;
А съ ними ты и мудрый твой Сократъ
Преглупыхъ Абдеритъ глупѣе во сто кратъ.

ХЕРОФОНТЪ.

Сократъ!

АЛКИНОЯ.

Что сдѣлалось?

КСАНТИППА.

Какъ что? отъ крика
Я чуть жива: и все мнѣ слышатся кричатъ:
Аристофану честь, вѣнчать, вѣнчать поэта!
Аристофанъ! гдѣ онъ, гдѣ онъ!
Клеонъ злодѣй! злодѣй Клеонъ!
Изгнать его!... Такъ чтожъ, бѣда большая эта!
Клеонъ злодѣй:
Конецъ ему злодѣйскій;
Поэтъ милѣй:

сдѣлалъ извѣстный романъ, въ которомъ насмѣхается надъ ихъ сумазбродствомъ и страстію передраживать Аѳинянъ.

Вѣнецъ ему Ленейскій,
И кончено: уймитесь же кричать!
Да гдѣ!... уймешь ли!... нѣтъ! у насъ такіель люди!
Увѣщавая ихъ, я сдѣлалась безъ груди;
И мнѣ жъ пришлось отъ боли замолчать.
Повѣрьте, что театръ съ ума Аѳинянъ сводитъ:
И мой Сократъ премудростью своей
Убьетъ себя, а ихъ не сдѣлаетъ умнѣй.

Алкиноя.

Мы вѣримъ, только чтожъ въ театрѣ происходитъ?

Ксантиппа.

Не дожидаяся вѣнца,
Аристофанъ ушелъ какъ полуумный;
Народъ же, какъ Сефизъ (*) въ разливѣ шумный,
Не слушая Архонта и Жреца,
Вдругъ съ мѣста ринулся, меня умчалъ съ собою.
Кричу; но вдругъ въ дверяхъ всѣ сперлись съ тѣснотою,
И тутъ Архонтъ уговорилъ: съ вѣнцомъ
Къ поэту въ домъ идти степеннымъ ходомъ;
Но кончить не успѣлъ съ народомъ,
Какъ самъ поссорился съ Жрецомъ.
За чтожъ? Кто болѣе имѣетъ права

(*) Рѣка, протекающая подъ Аѳинами и впадающая между Пиреемъ и Элевзисомъ въ Саронической заливъ; она во время зимы чрезвычайно разливалась, и почти высыхала лѣтомъ.

Вести Ленейскій ходъ. Стратоклъ сѣдой
Клялся своею бородой,
Что въ немъ народная не посрамится слава;
А Жрецъ кричитъ: умру за Вакха честь,
Но мертваго меня передъ народомъ несть
Васъ всѣхъ я заклинаю адомъ!
Вступилися Жрецы и весь Ареопагъ,
И согласилися, чтобъ дать имъ ровный шагъ,
Пустить обоихъ рядомъ.
Однакожъ старики все продолжали споръ;
Не ждя умнѣй конца отъ глупаго начала,
Я плюнула и убѣжала.
И съ этихъ поръ
Къ театру больше ни ногою.
Но гдѣ Аристофанъ, кто можетъ мнѣ сказать?

Алкиноя.

Вотъ онъ передъ тобою.

Ксантиппа.

Ну какъ его узнать
Въ такомъ нарядѣ?
Однако же при первомъ взглядѣ
Мнѣ показалося.... да это не бѣда,
Ошиблась — вотъ и все. — Но я пришла сюда,
Чтобъ первой перваго поэта
Обнять отъ всей души!
А давича тебя согнать хотѣла съ свѣта;
Да вышелъ вздоръ: и ты, любезный мой, пиши
Всегда умно и дѣло.

Люблю того, кто смѣло
Бранитъ дурныхъ людей въ глаза;
Я и сама на нихъ гроза:
Хотъ иногда, признаюсь, виновата,
Всѣхъ новыхъ новостей смертельно не любя,
Въ навѣтку имъ браню невиннаго Сократа.

Аристофанъ.

Пустъ буду я и самъ не правѣе тебя,
И видя, что мой домъ отъ искръ почти пылаетъ,
Пущусь тушить невинный тотъ огонь,
Который искры зажигаетъ.
Свѣти, да не клеонь,
И бойся сдѣлаться пожаромъ.
Пустъ твой Сократъ и мудръ, и честенъ, какъ Солонъ (*),
Но въ чемъ предвижу зло — все для меня Клеонъ.

Ксантиппа.

Навѣтку мнѣ даешь ты, кажется, не даромъ;
Но вотъ мой уговоръ: пожалуй всѣхъ брани,
Но моего Сократа не тронь,
Когда тебѣ ожечься не охота.
(*Трубы*).
А! трубы.... Вакховъ ходъ идетъ уже въ ворота.
(*Бѣжитъ къ воротамъ*).
Сюда! онъ здѣсь! сюда!

Алкиноя.

И увѣнчать тебя должна твоя невѣста.

(*) Аѳинскій Законодатель.

Антимахъ.

Терпѣнья нѣтъ, уйдемъ.

Хавесъ.

Ни съ мѣста!

Дѣломъ не должно спѣшить никогда.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Стратоклъ, Жрецъ и всѣ, *которые были въ Прологѣ и I-й Интерлюдіи. Народъ толпою входитъ въ ворота и занимаетъ правую сторону; ходъ начинаютъ Архонтъ и Жрецъ; за ними по порядку съ одной стороны Жрецы, съ другой Архонты; потомъ Ареопагъ; хоръ Всадниковъ; Жрецы; Ликофора несетъ вѣнецъ; Вакханки заключаютъ шествіе съ тарелками и бубнами.*

Хоръ, *во время шествія.*

Слава Вакху, слава Ѳиву,
Слава Аѳинѣ благой!
Лавры, грозды и оливу
Мы сплясали ихъ рукой.

* * *

Въ славу, въ пользу и въ отраду
Земнородимъ даръ боговъ,
И да будетъ онъ въ награду
Славы, пользы и трудовъ!

* * *

(*Всѣ, войдя на сцену, становятся полукругомъ; Ликофора по срединѣ; подлѣ нея Алкиноя; Ксантиппа въ большихъ суетахъ подбѣгаетъ къ Аристофану, выводитъ его впередъ къ долу Алкиноя. Жрецъ и Архонтъ хотятъ оба говорить; но Архонтъ начинаетъ первый*).

Стратоклъ.

Четыре двадесять осьмой Олимпіады
Въ четвертый годъ....

Жрецъ.

И въ Вакховъ свѣтлый день.

Стратоклъ.

Аѳинскій весь народъ...

Жрецъ.

И Вакховъ Жрецъ.

Стратоклъ.

Чтобъ не лишить награды
Ленейскаго вѣнца
Комедіи творца,
Сокрывшагося бѣгомъ,
Рѣшилъ идти со мной, Архонтомъ и Хорегомъ....

Жрецъ.

И мною, Вакховымъ Жрецомъ....

Стратоклъ.

Искать его, найти и увѣнчать....

Ксантиппа.

Вѣнцомъ;
Не такъ ли?

Жрецъ.

Такъ.

Ксантиппа.

Я тотчасъ угадала;
А какъ конецъ зависитъ отъ начала,
Начните же скорѣй. (*Алкиноѣ*). Вѣнецъ ты надѣвай,
(*Аристофану*). А ты свое актерство скидавай.

*

Аристофанъ.

Изволь, я начинаю,
И лжесвидѣтеля Клеону возвращаю.

Хавесъ.

Боги! что слышу? Вѣнецъ сей Клеоновъ, признайся?

Аристофанъ.

Его;
И вотъ его жъ хламида.

Хавесъ.

Ужасъ и гибель Аѳинамъ! Для казни злодѣя сего
Местью возстань, о Ѳемида!

Ксантиппа.

Не слушайте его, вѣнецъ давайте.

Хавесъ.

Стой!
Жрецъ и Архонтъ! убійцаль достоенъ награды такой?...

Всѣ.

Убійца!...

Хавесъ.

Въ сей же хламидѣ и въ семъ же вѣнцѣ,
Казнодара у Пникса я видѣлъ:
Въ семъ же вѣнцѣ и хламидѣ не онъ ли Клеона въ лицѣ,
Всѣми ругался? — За что же? — за то, что его ненавидѣлъ.
Гдѣ же Клеонъ? Въ театрѣ его вы видѣлиль?

Жрецъ и Стратоклъ.

Нѣтъ.

ХАВЕСЪ.

Упромъ же симъ Ипперболъ, Ѳеогней и Евгалій—
Аѳины
Всѣ обыскали, и тщетно.

ЕВГАЛІЙ И ДРУГІЕ.

Ахъ! тщетно.

ХАВЕСЪ.

И такъ сей отвѣтъ
Служитъ доводомъ злодѣйски свершенной Клеона
кончины.
Злобажъ и платье, не суть ли улика, кѣмъ зло
свершено?

АРИСТОФАНЪ.

Кто? я?

ѲЕОГНЕЙ.

Смотрите, какъ щеки убійцы поблекли!

ХАВЕСЪ И ИППЕРБОЛЪ.

Поблекли!

ХАВЕСЪ.

Слышишь и видишь?

СТРАТОКЛЪ.

И слышу, и вижу.
Клеонъ, *показываясь на кровлѣ* (*).
Но трубы замолкли.

(*) Сіе появленіе дѣйствующаго лица на кровлѣ заимствовано изъ Ком. Аристоф. *Осы.*

Аристофанъ, *удерживая Алкиною, которая хочетъ говорить.*

Что̀жъ дальше?

Хавесъ.

Ужъ все рѣшено.

Извергъ! признайся, гдѣ шѣло Клеона ты скрылъ?

Аристофанъ, *показывая Клеона.*

Вотъ оно!

Всѣ.

Клеонъ! *(Въ изумленіи смотрятъ).*

Клеонъ, *увидя всѣхъ.*

Ахъ!...

Аристофанъ, *Хавесу.*

Видишь и слышишь: чьяжъ лучше улика?

Ксантиппа.

Такъ вотъ Клеонъ! *(Смѣясь).* Да кто занесъ тебя?...

Клеонъ.

Молчи!

Ксантиппа.

Нѣтъ, самъ ты не кричи.

И важность въ этомъ не велика,

Что появился ты, и вылѣзъ вверхъ, какъ дымъ.

Клеонъ.

Народъ! отмщай Аристократамъ злымъ

За друга своего!

Жрецъ, Стратоклъ и другіе.

Нѣтъ!

Клеонъ.

Выслушай!

Ксантиппа.

Безъ крика

Своимъ путемъ

Спускайся внизъ.

Клеонъ.

Спущусь—чтобы подняться выше!

Ксантиппа.

Гдѣ ключь? *(Наксія подаетъ).* Войдемъ.

Евгалій, *Клеону.*

Ахъ! спускайся тише, тише!

Алкиноя.

Какъ! ты боишься за него?

А не его ль сей часъ вы всѣ бранили смѣло?

Ѳеогней.

Нѣтъ хитрости женской хитрѣй ничего!

Стратоклъ.

Какъ! и они его бранили?

Алкиноя.

И за дѣло!

Они Клеону въ грабежѣ

Пречестно помогали,

А онъ безсовѣстно ихъ грабилъ въ дѣлежѣ.

На Всадниковъ онижъ крамолу подобрали.

(*) * »А онъ, пока Аристофанъ игралъ
»Лице его на сценѣ,
»Въ дому моемъ Силена представлялъ;
»Они же, бѣдные, въ пыли, въ жару и въ пѣнѣ
»Аѳины всѣ обѣгали кругомъ,
»Пока Силенъ своимъ покойнымъ сномъ
»Безбожно ихъ лишалъ покоя.

Хавесъ.

»Нѣтъ, ты...

Стратоклъ и Жрецъ.

Не прерывай!

Народъ.

Не прерывай!

Стратоклъ.

»Прелестной рѣчью, Алкиноя,
»Обворожать умы и души продолжай!

Народъ.

Продолжай!

Алкиноя.

»Хавесъ, мнѣ кажется, винишь меня въ обманѣ;
»Но вся вина
»Вина,
»И сна.
»Когдабъ Клеонъ проснулся ранѣ,

(*) Въ представленіи послѣ * помѣщается слѣдующій стихъ:
Когда бы удался ихъ планъ;
а послѣ подъ знакомъ**
То вѣрный палъ Аристофанъ...
и далѣе; всѣ же стихи, отмѣченные между сими знаками » для ускоренія дѣйствія не говорятся на сценѣ.

»То не случилось бы такъ много зла:
»Комедіябъ конечно не пошла,
»Не веселились бы Граждане,
»Народъ бы все страдалъ,
»Клеонъ ещебъ не переспалъ
»Чужимъ имѣньемъ богатиться,
»И даже бъ съ ними сталъ,
»Быть можетъ, совѣстнѣй дѣлиться;
»Не посрамились бы безстыдство и обманъ,
** И милый вамъ Аристофанъ,
За пламенную страсть къ отечеству и славѣ
Въ Пиреѣбъ, по словамъ Клеоновымъ, тонулъ;
Но Казнодаръ заснулъ,
Все проспалъ, и они, безпорно въ правѣ,
Какъ водится, его бранить
И, можетъ быть, съ Аристофаномъ вмѣстѣ
И мнѣ за зло случившееся мстить.
И такъ не должно ли счастливѣйшей невѣстѣ
Не за себя, за жениха такъ славнаго просить:
Народъ, хранимый самъ эгидою священной,
Въ награду дара и заслугъ,
Ты охрани его отъ злости обличенной:
Клеонъ твой льстецъ, Аристофанъ твой другъ.

Стратоклъ и народъ.

Аристофанъ нашъ другъ!

Созіа.

А вотъ и льстецъ: при первомъ взглядѣ
Не ошибешься въ немъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Всѣ.

Ксантиппа, *отворивъ дверь Клеону.*

Идижъ не потупляя глазъ.

Клеонъ.

Нѣтъ, всѣмъ гляжу въ глаза, и я не въ первой разъ(*)
Народу мудрому кажусь въ шакомъ нарядѣ.
Не оскорбятъ его ни грозды, ни цвѣты;
И съ Ѳемистокломъ честь побѣдной колесницы
Дѣлили молодыя Жрицы
Богини красоты (**);
Но обвинятъ....

Народъ.

Молчи!

Жрецъ.

Прилично ль обвиненье
Въ дни Вакховыхъ торжествъ?

Аристофанъ.

Прошу о позволеньи
Клеону говорить: я смѣло говорю
Всѣмъ правду, и ни чьихъ рѣчей не побоюся.

Стратоклъ.

Пусть говоритъ.

(*) Однажды Клеонъ, наряженный Вакхомъ, выскочилъ изъ пиршества передъ народомъ. *Аѳинскія письма.*

(**) Ѳемистоклъ въѣзжалъ торжественно въ Аѳины и четыре прелестницы, или Жрицы Киприды, сидѣли съ нимъ на тріумфальной колесницѣ.

Клеонъ.

Благодарю.
Аристофану я не меньше всѣхъ дивлюся.
И бывши имъ безвинно оскорбленъ,
За славный даръ его предъ всѣми съ нимъ мирюся.
Служа Республикѣ, отъ всѣхъ я принужденъ,
Радѣя ей, терпѣть насмѣшки и укоры:
Винить всѣ люди скоры,
Но вникнуть въ испину ни въ комъ терпѣнья нѣтъ!
И могъ ли Казнодаръ всѣмъ сдѣлаться угоднымъ?
Но Антимахъ, самъ Комикъ и Поэтъ,
Просилъ не позволять комическихъ клеветъ
Въ позоръ избранникамъ народнымъ;
А потому
Народу самому.
Не за себя вступаться я намѣренъ.
Пускай меня винятъ,
Бранятъ:
Народъ во мнѣ, въ народѣ я увѣренъ.
Но родъ комедіи быть долженъ запрещенъ,
Которымъ даже самъ Периклъ не пощаженъ!
Ругательства хвалить толпа невѣждъ привыкла,
И бранью честнаго безчестный восхищенъ!

Аристофанъ.

»Да ты хвалилъ меня, какъ я бранилъ Перикла(*).

Ксантиппа и Народъ, *хохочетъ*.

(*) Обвиненіе Клеоново и отвѣтъ Аристофановъ историческіе.

КЛЕОНЪ.

Кто? я?

АРИСТОФАНЪ.

Да, ты.

КЛЕОНЪ.

Когда, при комъ и гдѣ?

АРИСТОФАНЪ.

Всегда, при всѣхъ, вездѣ.
Не правдаль?

СТРАТОКЛЪ, ЖРЕЦЪ И ПРОЧІЕ.

Такъ.

КЛЕОНЪ.

Пусть такъ. (*Указывая на Хавеса*). Но вотъ законникъ строгой,
Вступясь за честь обруганныхъ Гражданъ,
Докажетъ всѣмъ, кто былъ Аристофанъ,
И изъ Эгина къ намъ какой дорогой
Пожаловалъ пришлецъ.

АРИСТОФАНЪ.

»Нѣтъ, я родился здѣсь; Филиппъ былъ мой отецъ (*)
»По крайней мѣрѣ
»Онъ къ матери моей всегда былъ въ полной вѣрѣ,
И съ нимъ я схожъ лицомъ,
Хотя не такъ, какъ вы съ своимъ отцомъ
Во всемъ похожи.
Въ васъ столько разницы, что онъ съ быковъ,
А ты съ Гражданъ сдираешь кожи.

(*) Отмѣченные стихи сказаны Аристофаномъ, и народный смѣхъ заставилъ замолчать обвинителя Клеона. *Фукид.*

Ксантиппа.

Ну! что, опвѣтъ каковъ?
Клеонъ молчитъ.... Хвала Аристофану!

Народъ, Стратоклъ и Жрецъ.

Хвала Аристофану! (*Слышатся*).

Клеонъ.

Смѣются! — Смѣйтеся, не запрещаю вамъ,
И изъ усердія къ богамъ
Обряду Вакхову враждой мѣшать не стану;
Иду. — Кто другъ мнѣ, пойтъ за мной!
(*Уходитъ одинъ*).

Ксантиппа.

Ушелъ одинъ.... Хвала Аристофану!

Ипперболъ.

Ну, что жъ?

Евгалій.

Пойдемъ.

Ѳеогней.

За нимъ?

Хавесъ.

Домой.

(*Уходятъ въ противную сторону Клеона*).

Антимахъ.

Иду и я; но все не перестану
Просить Ареопагъ, чтобъ выдалъ онъ
Противу личностей комическихъ законъ.

Аристофанъ, *удерживая его.*

Но выпроси ты отъ народа прежде,
Чтобъ власти не давалъ бездушному невѣждѣ,
Спасителей своихъ съ стыдомъ не изгонялъ
И своеволіемъ себя не посрамлялъ:
Тогда я соглашусь безспорно,
Что тамъ,
Гдѣ все правительству законному покорно,
Гдѣ къ пользѣ все течетъ, какъ въ море чистый
ток,
Поэтъ не смѣй Гражданъ осмѣивать позорно;
Язви не лица, а порокъ;
Изображай не зрителей, а нравы;
Сосѣда не срами сосѣду для забавы;
Для истины свои всѣ выгоды забудь;
Безъ злобы и вражды ищи безсмертной славы,
И, зависти на зло, вѣнца достоинъ будь.

Стратоклъ.

Достоинъ ты его: и Алкиною
Достойной мы нашли поэта увѣнчать.
(*Ликофора подноситъ Алкиноѣ вѣнецъ*).

Аристофанъ, *Алкиноѣ.*

Увѣнчанный твоей рукою,
Могу ли я сказать,
Что въ счастіи меня сравняла ты съ богами?

Алкиноя, *возлагая вѣнецъ.*

Я соглашаюсь наконецъ
Зеленый пивой вѣнецъ
Украсить брачными цвѣтами.

(*Трубы*).

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Дѣйствіе Пролога составлено изъ древнихъ обрядовъ, Амфистеріи, дароприношенія Вакху и освященія чашъ. Въ семъ послѣднемъ Жрецъ показываетъ народу пустыя чаши, которыя онъ осушаетъ надъ огнемъ, запечатываетъ священнымъ перстнемъ и уноситъ въ святилище; а на другой день выноситъ сіи чаши полныя виномъ, приписывая сіе чудо Вакху. См: *Les fêtes et Court de la Grece, и ссылки, находящіяся въ семъ сочиненіи.* Слова хоровъ взяты изъ Эврипидовой трагедіи: Вакханки, откуда Ж. Б. Руссо заимствовалъ свою кантату Bacchus.

(2) Периклъ, рожденный въ Аѳинахъ отъ Ксантиппа, побѣдителя Персовъ въ Микальской битвѣ, и отъ Агаристы, внуки Клисѳена, изгнавшаго Писистратовыхъ наслѣдниковъ, не смотря на знатность рода своего, явился съ начала приверженцемъ простаго народа. Кимонъ и Ѳукидидъ, главы знатныхъ Гражданъ, правили тогда дѣлами республики, и Периклъ, силою народной любви и даромъ слова, изгналъ ихъ изъ Аѳинъ. Сдѣлавшись самъ властителемъ, онъ старался возвышать отечество свое надъ всѣми Греческими странами и держать его подъ собою. Онъ, усиля Аѳинское корабле-ополченіе и торговлю, говорилъ, что: Аѳины не должны

терпѣть на моряхъ ни чьего владычества и не оставлять безъ наказанія ни малѣйшаго оскорбленія имъ нанесеннаго. Выставляя сіе правило, онъ ожесточилъ Мегарянъ и возжегъ Пелопонезскую войну. Клеонъ и прочіе льстецы, а потому и любимцы черни, въ свою чреду преслѣдовали Перикла, какъ главу Аристократовъ, и онъ бы претерпѣлъ участь изгнанныхъ имъ, если бы Аѳиняне, въ бѣдствіяхъ, которыми его же обвиняли, могли обойтись безъ его генія. То боготворимый, то порицаемый народомъ, онъ умеръ отъ лихорадки, или слѣдствія заразы, на 72 году отъ рожденія въ полнотѣ власти и окруженный славными памятниками его правленія. Парѳенонъ, Одеумъ и храмы Нептуна, Тезея, Кастора и Поллукса воздвигнуты имъ на золото, собранное всею Греціею для войны противъ Персовъ и перенесенное имъ изъ Делоса въ Аѳины. Периклъ пожертвованіемъ всѣхъ Грековъ украсилъ одинъ городъ и купилъ себѣ безсмертное имя, которымъ означаемъ славнѣйшій вѣкъ поэзіи и художествъ. Великій Ораторъ, глубокій политикъ, другъ Анаксагора, Сократа и Ѳидія, воспитатель Алкивіада и страстный супругъ Аспазіи, Периклъ, одаренный всѣми пріятными въ общежитіи и полезными отечеству свойствами, хотя и не достигъ военной славы Ѳемистокла и Кимона, но Аѳиняне девять разъ торжествовали подъ его предводительствомъ, и онъ одержалъ знаменитую побѣду

надъ Самосскимъ флотомъ. См. *Плутархъ и Аѳинскія письма.*

(3) Сей самый Антимахъ, по словамъ Аристофана, холодный Комикъ, возсталъ противъ старой комедіи, въ которой выводились на сцену извѣстные Граждане подъ ихъ настоящими именами, и въ личинахъ, похожихъ на нихъ; онъ же былъ основателемъ средней комедіи, представляющей настоящія приключенія и характеры подъ выдуманными именами. Смотр. *Греческій театръ Brumoy.*

(4) Стихъ, взятый изъ Аристофана, по которому должно заключать, что Поэты содержали Актеровъ на свой счетъ, или на доходы, которые могли приносить имъ творенія ихъ: хотя впрочемъ рабамъ и иностранцамъ запрещено было играть на театрѣ, и состояніе Актеровъ было въ такомъ же уваженіи, какъ и всѣхъ художниковъ.

(5) Аспазія, родомъ изъ Милета, была обыкновенною жрицею Венеры; когда Периклъ ее увидѣлъ, влюбился до того, что отвергъ свою супругу, и не постыдился торжественно вступить въ бракъ съ прелестницей. Страсть, возженная красотой и умомъ сей необыкновенной женщины, принудила, почти самовластнаго правителя Аѳинъ, вымаливать съ слезами у народа пощады женѣ его, обвиняемой въ безбожіи. По смерти Перикла Аспазія вышла за Лизиклея, богатаго торгаша скотомъ; но умъ

и чрезвычайныя дарованія ея, успѣли сдѣлать изъ ничтожнаго Лизиклея знаменитаго Гражданина. Аспазія славилась необыкновеннымъ даромъ слова; многіе думаютъ, что она участвовала въ славной рѣчи, говоренной Периклемъ во второй годъ Пелопонезской войны въ честь падшихъ въ битвѣ за отечество; одна только изъ рѣчей ея сохранилась Платономъ. Сократъ, обучая ее философіи и краснорѣчію, самъ сдѣлался ея ученикомъ; что видно изъ разговора, писаннаго ею, и переданнаго потомству Цицерономъ. Сочинитель празднествъ Греціи выписываетъ изъ него нѣчто касающееся до привязанности Сократа къ Алкивіаду. *Les Fêtes de la Grece.*

(6) Выраженіе *дать хоръ* значило позволить представлять пьесу. Оно произошло отъ того, что хоры были содержимы иждивеніемъ Республики, равно какъ и всѣ расходы на театръ производились народною казною. Аѳиняне старались сдѣлать театральныя зрѣлища столь великолѣпными, что никакой другой Греческой городъ не былъ въ состояніи ихъ представлять. Но сіи чрезвычайные расходы приносили большія выгоды народу. Два раза въ годъ, т: е: весною въ Діонисіалы и осенью въ Ленейскій праздникъ (оба въ честь Вакху) достаточные Граждане, изъ всѣхъ странъ Греціи, съѣзжались въ Аѳины, гдѣ только могли видѣть театральныя представленія, и оставляли тамъ

большую часть своихъ доходовъ. Хозяйственный разсчетъ Аѳинянъ даже не возбранялъ участвовать въ ихъ празднествахъ и самымъ непріятелямъ, т: е: когда они были въ войнѣ не съ варварами, а съ Греками. *Θυκид. Brumoy.*

(7) Ипперболъ, ремесломъ фонарщикъ, или, можетъ быть, освѣтитель фонарей по откупу, былъ столько изпасканъ по сценѣ комическими поэтами, что Аристофанъ смѣялся въ Ком. Всади. уже надъ тѣми комиками, которые не устаютъ забавлять имъ народъ. Не смотря однакожъ на сіе, онъ умѣлъ такъ подбиваться къ любимцамъ черни, что его однажды выбрали въ Амфиктіоны, т: е: повѣренные Республики на Греческомъ Сеймѣ. Наконецъ Алкивіадъ, чтобы сдѣлать смѣшнымъ и тѣмъ уничтожить остракизмъ (казнь изгнанія), выгналъ его народнымъ приговоромъ, и съ того времени остракизмъ исчезъ.

(8) Аристофанъ во многихъ комедіяхъ приписываетъ Эврипиду разхоложденіе тетральнаго дѣйствія нашянутыми философическими изрѣченіями (сентенціями); укоряетъ его въ униженіи той драматической поэмы, которою Эсхиллъ и Софоклъ возносили людей до боговъ, и сливали, такъ сказать, небо съ землею, смѣется надъ рубищемъ, или, какъ онъ называетъ, лохмотьями, которыми Эврипидъ, чтобы разжалобить зрителей, одѣвалъ своихъ Героевъ; возстаетъ противу сказочныхъ многосложныхъ

приключеній и любовной страсти, введенныхъ Эврипидомъ на сцену, посвященную великимъ дѣйствіямъ, высокой нравственности и промыслу боговъ, и не прощаетъ ему роль Федры, принуждающей зрителей сострадать преступной страсти и невольно соучаствовать пороку. Чтобы сказалъ Аристофанъ, когда бы онъ увидѣлъ Французскія Трагедіи, и услышалъ, что Французы называютъ себя новѣйшими Аѳинянами, а театръ свой классическимъ?

(9) Сіе случилось съ Аристофаномъ при первомъ представленіи *Облаковъ*. Когда Актеръ, игравшій роль Сократа, вышелъ на сцену, Сократъ всталъ съ своего мѣста, друзья его вскочили съ крикомъ, и Комедія уже была увѣнчана послѣ двухъ неудачъ и переправокъ. Она дошла до насъ въ третьемъ своемъ видѣ, и почитается одной изъ самыхъ лучшихъ Драматическихъ поэмъ. *Brumoy и Potter Археолог.*

(10) Названіе сей улицѣ дано отъ поставленныхъ въ ней Эрмесовъ т: е: четвероугольныхъ мраморныхъ столбовъ въ ростъ человѣческій или побольше, въ верху которыхъ изсѣкалось, съ начала погрудное изображеніе Эрмеса, или Меркурія, покровителя торговли и промышленности; но потомъ стали изображать въ такой же формѣ другихъ боговъ и знаменитыхъ людей. Въ Ватиканѣ сохранены Эрмесы Перикла, Аспазіи, Алкивіада, самаго Аристофана и проч.; иногда бюсты были разнаго вещества съ

столбами; а иногда на нихъ изображали какъ у Януса два лица вмѣстѣ; таковы были Herm Athenae, соединяющіе головы Меркурія и Минервы. Римляне ихъ называли Термами, отъ Терма, бога рубежей и межь, и ставили ихъ также, какъ Греки, на улицахъ, у садовъ, при дорогахъ и на межахъ. *Изъ соч. Гурлита.*

(11) Сія Интермедія составлена изъ сцены и хоровъ Вакханокъ Эврипид. Тр. Майкмейнеферіи, или праздника свѣтильниковъ и Агріони ночнаго Вакхова празднества. Эпизодъ Жреца, ищущаго между освященныхъ дѣвъ дѣвей Минія, осквернившихъ Вакховы таинства, взятъ изъ Плутарха: онъ повѣствуетъ, что въ его время Жрецъ, по имени Зоилъ, такъ вошелъ въ роль, которую онъ обязанъ былъ играть въ сей языческой фарсѣ, что зарѣзалъ женщину, признанную имъ за рожденную отъ прокляшой крови.

(12) Граждане Аѳинскіе, оказавшіе важныя услуги отечеству, или прославившіеся отличными дарованіями, по народному приговору, имѣли столъ въ Пританеѣ на счетъ республики и, называясь Пританами, занимали первыя мѣста въ народныхъ празднествахъ и зрѣлищахъ. См. *Аѳинскія письма.*

(13) Плутархъ и позднѣйшіе философы, выдающіе себя за послѣдователей Сократова ученія, старались увѣрять, что Аристофанова комедія Облака, была причиною смерти сего мудре-

ца, забывая, или не хотя помнить, что Облака появились на сцену слишкомъ за 20 лѣтъ до осужденія Сократова; но этаго еще не довольно: Аристофанъ, уважаемый въ жизни отъ своихъ современниковъ, по смерти не избавился и другихъ нападокъ отъ тѣхъ, которыхъ и названіе не существовало въ его время. Французскіе, писатели прошлаго столѣтія, судя Аѳины по Парижу, нашли, что первый Греческій комикъ былъ буфонъ дурнаго тона, что комедіи его наполнены непристойными изрѣченіями; но, кажется, имъ не приходила въ голову очень простая истина: что приспойность, какъ и моды, измѣняется по мѣсту и времени: чтобы очень не пристойно было видѣть голоногаго Алкивіада на балѣ у Дюка Ришелье, или покрытаго огромнымъ парикомъ и разпещреннаго баннами и лентами Грамона на вечеринкѣ у Аспазіи; и что Мольерова комедія George Dandin, согнанная за непристойность и даже безнравственность съ нынѣшняго Парижскаго театра, была сочинена для праздника, который давалъ Людовикъ XIV своей невѣсткѣ и играна при большихъ рукоплесканіяхъ въ Версали у двора, славившагося учтивостью и хорошимъ вкусомъ. Однако же нынѣшніе Французскіе критики начинаютъ отдавать справедливость нравственнымъ комедіямъ Аристофана, котораго даромъ и умомъ не рѣдко пользовался самъ Мольеръ.

(14) Мысли сіи извлечены изъ твореній Аристофана; онъ возставалъ на философовъ, полагая, что ихъ ученіе не столько просвѣщало умы, сколько воспламеняло негодованіе противъ существовавшей религіи, не замѣняя ее ни чѣмъ положительнымъ: и потому Аристофанъ представилъ на театрѣ философскія умствованія рожденными отъ паровъ, имящими свѣтъ и крутимыми вѣтромъ облаками. Время, кажется, доказало, что не онъ обманывался. Аѳиняне, не считая уже себя подъ неодолимою защитою Паллады и Поссидона, которымъ переставали вѣрить, потеряли и довѣренность на побѣду: умъ замѣнилъ душу, энтузіазмъ покорился разсчету, и воины Аѳинскіе не находили болѣе ни Маравона, ни Саламины. Побѣдители Ксеркса уничижились предъ Филиппомъ и слѣдовали какъ жертвы за колесницею Александра. Отвлеченныя идеи, или метафизическія умничанья завлекли любопытство и самолюбіе въ лавиринѳъ недоумѣнія и противусмыслія, и породили равнодушіе къ дѣльному и полезному. Тогда поколебались наслѣдственныя понятія о добрѣ и злѣ, или правомъ и неправомъ, которыхъ Аристофанъ тщетно оживотворялъ на сценѣ. См: *Облака*. Связи гостепріимства, родства, согражданства, единородства, ослабли; не скрѣпленныя ни религіей, ни преданіемъ предковъ, ни взаимнымъ уваженіемъ Гражданъ, Аѳины — разпались. Алкивіадъ, показавшій примѣръ явнаго презрѣ-

нія къ богамъ, людямъ, законамъ и нравственности, равно какъ почти всѣ тридцать тирановъ, совокупно губившихъ Аѳины, вышелъ изъ Сократовой школы, произведшей также Ксенофонта и Аристотеля. Сія противуположность показываетъ, что мудрый Сократъ и божественный по словамъ язычниковъ Платонъ, образовали умъ и не могли учить злу, чуждому ихъ мыслей и сердецъ: но полное различіе чистаго свѣта истины было свыше ихъ возможности.—Просвѣщенные откровеніемъ, мы знаемъ, что одной человѣческой мудрости недостаточно для изкорененія религіозныхъ заблужденій, безъ вреда обществу, которое связывается, крѣпится и долгоденствуетъ вѣрою, въ какую бы наружность она ни была облечена; и, кажется, Аристофанъ и Софоклъ предчувствовали сію истину. Вдохновенный даръ, или душевный взоръ поэта не одинъ разъ прозрѣвалъ вдали то, чего и по самомъ событіи не совсѣмъ постигаетъ обыкновенный умъ. Приверженный къ вѣрѣ, престолу и отечеству Жильбертъ, обличая Софистовъ прошлаго столѣтія, предсказывалъ также, какъ Аристофанъ, ѣдкими сильными стихами ужасъ богоотступной революціи: Проповѣдники Филантропіи безчеловѣчно погубили молодаго поэта, и хотѣли истребить самую память о немъ. Аристофанъ былъ счастливѣе Жильберта: онъ покойно умеръ, многократно увѣнчанный согражданами и уважаемый

современниками; зрѣлые плоды его опытной музы, служатъ еще неизчерпаемымъ источникомъ мудрой веселости и вѣрною живописью его вѣка и отечества; имя его въ теченіи двадцати двухъ столѣтій пребыло незабвеннымъ; хотя непримиримая философія и *въ гробъ не даетъ ему покоя.*

(15) Въ комедіи *Всадники*, Аристофанъ представляетъ Клеона любимымъ рабомъ легковѣрнаго старика, то есть, Аѳинскаго народа, и называетъ его Пафлагонцемъ, именемъ, сдѣланнымъ изъ сложнаго глагола *шумѣть кипящею водою*, которое Ѳукидидъ находитъ приличнымъ характеру Клеона; и такъ Актеръ, представлявшій сіе лице, долженъ былъ явиться на сцену въ одеждѣ раба съ маскою, похожею на Клеона; но Алкиноя предлагаетъ Аристофану, внезапно принужденному играть, вмѣсто Калистрата, замѣнить маску одеждою Казнодара, чтобы *произвести вѣрнѣе дѣйствіе*, т: е: быть признанному за Клеона при самомъ появленіи на сцену. Въ семъ случаѣ, сочинитель комедіи воспользовался неоспоримымъ правомъ всѣхъ сценическихъ поэтовъ: замѣнять историческую точность вѣроподобіемъ, извлеченнымъ изъ обстоятельствъ главнаго содержанія и характеровъ пьесы и представлять для усиленія и полноты дѣйствія не только то, что *было*, но чтобы и *могло быть*. Примѣры сей сценической лисенціи находятся во всѣхъ историческихъ драмахъ, и даже драмати-

ческихъ хроникахъ Шекспира, признаннаго вѣрнѣйшимъ оживотворителемъ исторіи; но къ которому часто можно приноровить Итальянское изрѣченіе: Si non e vero, e ben trovato.

(16) Ѳемистоклъ, славный Аѳинскій полководецъ, и Аристидъ праведнѣйшій изъ Грековъ, оба спасители Аѳинъ, были изъ нихъ выгнаны остракизмомъ, или приговоромъ народа. *Ѳукид. Корнел. Непотъ.* — Великія доблести и слава оскорбляли пришлецовъ, часто управлявшихъ Аѳинскимъ легковѣріемъ; они устрашали чернь, жаждущую самоуправства, привязанностью знаменитыхъ Гражданъ къ великимъ мужамъ, прославляющимъ ихъ отечество. Аристидъ спросилъ одного изъ загородныхъ жителей, требовавшаго съ прочими его изгнанія: „Знаетъ ли онъ Аристида?“—„Нѣтъ.“—„За чтожъ ты хочешь его выгнать?“—„За то, что мнѣ надоѣло слышать о его добродѣтеляхъ.“— *Плутархъ и Корн. Непотъ.*

11 Fe'33

N. 2

LIBRARY OF CONGRESS
00009019467